

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ШМАКОВОЙ
(АНДРЕЕВОЙ) ОЛЬГИ АНИСИМОВНЫ

3 Моё детство

С тех пор как я стала понимать, хотя и немного. Мои старшие брат и сестра учились читать и писать. Никто их к этому не призывал, сами по своему желанию. Как появился у них букварь, я не знаю, а что они по букварю учились читать и писать буквы, хорошо помню. Помню, как они обращались к маме за помощью. Мама как могла, рассказывала, показывала, как писать, хотя сама мама была почти неграмотная. Читала по слогам и писала только печатными буквами, кое–как расписывалась. Я очень завидовала старшим брату и сестре, садилась с ними рядом, внимательно смотрела и запоминала. Память у меня была отличная. Когда они учили стихотворения, я повторяла про себя, и запоминала быстрее их, а потом подсказывала брату или сестре когда они забывали. Лет шесть мне было, когда я выучила первый стишок «Одеяльце мама». Как мне нравилось читать наизусть и слушать когда читали Троша с Марусей. Я не могу не написать слова этого славного стишка.

«Одеяльце мама»

- Отчего родная, снег зимой идёт?
- Из него природа, одеяльце ткёт.
- Одеяльце! Мама, а зачем оно?!
- Без него бы стало в земле холодно!
- А кому родная в нём тепла искать?!
- Тем кому придётся зиму зимовать:
Зёрнышкам, былинкам, злаков и цветов,
Корешкам – малюткам, посеянных хлебов.

Так волновали меня слова из этого маленького стишка. Как я была благодарна природе за её заботу о маленьких корешочках хлебов, которые вырастят хлеб. Хлеб такой вкусный! Я очень любила горячие шаньги и калачи, никогда не просыпала утром, когда мама вытаскивала их из печи – румяные, запашистые. Мама всегда ворчала на меня, называя меня раноставкой (?). Я не обижалась на маму, знала, что она хотя и ворчит, а шаньгу или калачик даст скушать, ещё и молока нальёт.

В семь лет и я стала учиться читать, теперь букварь был мой. Я ложилась спать, а букварь лежала под подушку, и долго мечтала лёжа с закрытыми глазами. За что часто от старших получала, толчок в спину или бок:

– Перестань шептать бабка!

Говорили мне старшие. Я замолкала и засыпала крепким детским сном.

Учила я стишки и днём, катаясь на коньках, санках, а то и на боках с горы сугроба, завернувшись в шубу. Летом любила играть на лугу, особенно под черёмухой, росшей на отшибе среди сенокосного луга. Недаром меня теряли в пикульке, рассказывала мама и тётя Фетинья, папина сестра. Было мне полтора года, тётя Феня взяла меня и пошла со мной погулять. Села на кочку пикульки, а пикульки у нас было много, и росла она высокая, особенно во время цветения.

Но вот, тётя сидит, вяжет, а я собираю цветы и ношу ей. А потом не стала приходить, но тётя так увлеклась работой, что забыла о племяннице. А когда вспомнила, напугалась, стала звать:

- Оля, где ты! Оля, где ты!

Услыхала мама, прибежала, стала плакать, кричать:

- Оля! Оля!

Но никто не отвечал на их призыв. Собралась вся огромная семья, все кто мог ходить. Восемь человек ходили по пикульке, кричали, плакали. Участок пикульки с двух сторон окружен водой. Мама подумала, что её доченька упала с берега, бегая по берегу. Искали минут сорок, пока кто-то не увидел белую головку. Я спокойно спала в высокой пикульке.

С раннего возраста я любила природу. Я до сих пор люблю природу. Когда мне было восемь лет, старшая сестра Матрёна вышла замуж в деревню Курганчики. Я была рада, что её не будет. Когда мама плакала, я уговаривала:

- Пусть идёт, не плачь мама, а то она бьёт, чем попало.

В 9 лет меня увезли к сестре водиться с её первенцем. Водилась я всё лето, там и исполнилось мне 10 лет. Осенью зять отдал меня в школу. Я очень благодарна Шуре за заботу, хотя я на него летом очень обиделась. Когда меня отпускали поиграть, я бежала к девочкам. Меня охотно принимали играть. Особенно я сдружилась с Улей Назаровой. Уля часто меня звала к ним домой. Когда мы приходили, Улина мама сажала нас за стол, кормила, что было. В один прекрасный день я пригласила Улю и её младшую сестрёнку к себе. Но только мы зашли в кухню, Шура вышел из горницы и как крикнул на девочек:

- А ну пошли вон!

Я сразу остолбенела, а девочки выбежали на улицу. Не знаю, сколько я стояла так, ко мне подошла мать Шуры и сказала:

- Пойдём за стол, пора обедать.

Тут только я очнулась, из глаз потекли слёзы. Я тихо спросила:

- За что вы прогнали девочек? Я к ним хожу, меня не прогоняют...

И повернувшись к порогу, медленно пошла на улицу. Услышала ответ Шуры:

- Им только разреши! ...

Дальше я не поняла, что он ещё говорил. До вечера я просидела в завозне на санях. Несколько раз приходила сватья Хивонья (как я звала тогда мать зятя), звала меня домой, но я плакала и не шла. Так мне было обидно, и стыдно перед девочками, что до сих пор не могу простить зятю. А за устройство меня в школу, я говорю спасибо.

Первый мой учитель Пегасий Павлович! Учил он два класса сразу первый и четвёртый. Его жена Анна Лаврентьевна учила второй и третий классы. Учиться мне было легко, читать я умела, буквы все знала, считала до ста. Писать училась, и решать задачи. Это для меня было ново. Я старалась. Я была всех старше в классе. Тогда в первый класс принимали с 9 лет. Выполняя письменное задание, я слышала, что объясняют учащимся четвёртого класса и это запоминалось. Так я проучилась до зимних каникул. На каникулы меня увезли домой, и больше в эту зиму учиться мен не пустили. Я часто вспоминала, как училась, как выступала перед родителями на родительском собрании. Речь приготовил Пигасий Павлович, я её выучила. Меня поставили на табуретку перед столом, и я говорила. Что? Сейчас не помню, но помню, когда я кончила, мне аплодировали! Второе полугодие я любила играть в школу, где всегда была учительницей. Нарезала из моркови кружочков и учила Дусю и Гошу с Яшей считать: складывать и отнимать.

Так первая из семьи Шмакова Анисима Иудовича я проучилась две четверти. Лето пробегала, проиграла. А осенью, благодаря Марусе, мы с Дусей пошли учиться. Дуся в первый класс я во второй.

***

Семья большая, детей много у Шмакова Анисима Иудовича. Дети росли сами по себе. Между собой спорили, ругались и даже дрались, но стоило появиться маме, всё стихало, никто не жаловался. Старшие брат с сестрой: Троша с Марусей разделили нас с Дусей. Маруся делала всё для Дуси, Троша для меня. Если Маруся шила куклу или платье для куклы, Троша обязательно делал для меня кроватку кукле, стол или стул. Если мы с Дусей менялись, они всё уничтожали, доводя нас до слёз. Но после с условием, что мы не будем давать свои игрушки друг другу, делали снова.

Маруся любила командовать нами. Помню, как она приучала нас преодолевать страх. Делала на бруске полатей две петли из опоясок, приказывала ложиться на петли. Одна петля под головой, другая под пятками, лежать нужно прямо не прогибая спины. Лежать мы научились быстро, но это не всё. Маруся ложилась на пол под петли подушки и приказывала под счёт три падать на пол и что бы ни мигнуть. Петли разводила она, и мы поневоле падали, но с трудом мы научились

преодолевать страх и не мигать глазами при падении. Раз вечером, когда мама, уставшая за день, легла и уснула, а папа был на мельнице, Маруся приказала нам раздеться, мы упрямылись. Тогда она разделась сама, по её примеру разделись и мы. Маруся вывела нас на улицу, дело было зимой, против крыльца был большой сугроб снега. Маруся поставила нас спиной к сугробу, стала и сама, приказала нам на счёт три падать на спину в сугроб. Мы упали, а она убежала домой.

Только после мы узнали, почему Маруся убежала – она была выше сугроба и смогла увидеть, что папа идёт домой. Она и убежала, чтобы не показываться папе.

Папа подошёл, а мы барахтались в снегу, он поднял нас, мы стремительно побежали в дом, где наш учитель стояла одетой и с полотенцем в руках. Она обтёрла нас, и мы оделись. Много Маруся придумывала для нас интересного, необыкновенного.

Дуся росла тихой спокойной, послушной девочкой, я наоборот, бойкой упрямой и не всегда слушалась Марусю. Маму мы все слушались и выполняли всё, что она говорила. Папа никогда не вмешивался в нашу жизнь, то есть не назначал нам ни каких делов. Этим руководила по дому мама и девочки находились под её руководством. Когда мама уезжала из дома за старшую оставалась Маруся. Вот её я и не хотела слушать.

Мой день рождения в июле, Дусин в августе. Эти дни проходили обычно, никто не вспоминал о столь счастливой дате. Маруся вспомнила Дусин день рождения. Мамы дома не было. Маруся подчесала Дусю, вплела в косичку свою ленточку и села шить ей куклу. Я сидела обижена, моего дня рождения никто не вспомнил, и вдруг приказ:

- Ольга сходи в погреб за квасом, я пить хочу.

Я обижено ответила:

- Кому шьёшь. Тот пусть и идёт за квасом.

Ни говоря не слова, Маруся взяла чайник, в котором держали квас, подошла ко мне, взяла меня за косу и повела к погребу, но так как я не хотела спускаться, сама Маруся за косу приподняла меня, и спустила на лестницу. Подала мне чайник и приказала:

- Налъёшь и принесёшь. Кран хорошо закрой.

Пока она стояла возле погреба я спустилась, подставила чайник под кран, открыла кран, и квас стал наполнять чайник. Маруся ушла.

Я спокойно завернула кран, вылезла из погреба, оставив в погребе чайник с квасом, залезла на крышу, села у трубы, на своё любимое место и тихонько запела.

Петь я любила и без песен никуда не ходила. Маруся ждала, ждала и вышла на улицу, услышала моё пение, спросила, где чайник с квасом:

- В погребё! Ответила я гордо.

Маруся поднялась на крышу дома с целью повторить манёвр, но я по коньку, перебежала на другой конец крыши и соскочила на тесовую крышу (пристрою). Маруся за мной. Я с тесовой крыши – на соломенную, хорошо, что они примыкают друг к другу. Маруся прыгнула с тесовой крыши на соломенную и провалилась. Пока она вылезала из образовавшегося отверстия, я спряталась и до приезда мамы не выходила.

Мама приехала, я вышла и как будто ничего не было в мамино отсутствие. Была я очень любопытной, и если хотели старшие сёстры поговорить тайно от меня, я старалась подслушать. В одно прекрасное лето приехала к нам в гости Катя, и они с Марусей заговорили о прочитанных книгах. Катя предложила Марусе пойти в садик на скамейку, где она расскажет содержание прочитанной книге. А здесь лишнее бревно сказала Катя. Я тогда не поняла, что под лишним бревном подразумевались мы с Дусей. А любопытство взяло вверх, и я вперёд их убежала в садик, залезла под скамейку, затаилась. Катя рассказывала Марусе, Маруся уточняла, так они говорили долго. Я ничего не понимала, хотя и слышала каждое слово. Но вот Катя сказала, что то смешное они обе засмеялись и я засмеялась. Маруся вытащила меня из–под скамьи за волосы и прогнала домой.

А однажды осенью я сговорила свою подружку Сину Лобореву с которой мы учились тогда во втором классе залезть под скамейку у нашего дома, где, я заметила, всегда сидит наш брат Троша с девушкой.

Залезли, прижались друг к дружке и стали ждать. Ждать пришлось долго, потому что когда Троша подошёл к скамейке мы сопели своими «носиками – курносиками».

Троша вытащил нас осторожно из–под лавки и унёс домой, уложил в постель, а сам пошёл к Лоборевым, сказал, где Сима, чтобы её не потеряли. Мы проснулись только утром.

***

Школы в селе Шалоболдино в 1930/1931 учебном году не было, и под школу было занято 2 дома. В поповском доме возле церкви, где год назад была больница, училась Дуся. Я всегда её заводила в дом, в её класс, а сама шла дальше к другому дому, где занимался второй класс. Я успевала, и учителя поговаривали перевести меня в третий класс после каникул. Я активно участвовала в общественной жизни школы, в хоровом, драматическом кружках. Репетиции и спевки всегда проводили в первом корпусе, как называли поповский дом. После занятий второй смены, мы собирались и ждали когда придут учителя. От нечего делать стали рассказывать, кто что знал. Сидели в потёмках без света. Вошедший с улицы мальчик, втянул в себя воздух и спросил, чем всегда пахнет в этой школе, ребята из старших классов, которые учились здесь, сказали:

- Пахнет из подвала, который находится под зданием школы.

Мы с Симой переглянулись, я её подтолкнула и сказала спокойно твёрдо знающе:

- Здесь была больница, и покойников сбрасывали в подвал, вот и пахнет.

Сима подтвердила, что это так и есть. Мы хотели напугать мальчишек. А они решили доказать, что это не так, и они смелые, могут спуститься в подвал и посмотреть, что там есть. Лестница вела в подвал из коридора. Мы все вышли в коридор и стали ждать когда наши герои найдут спички. Я для испуга мальчишек шепнула:

- Слышите? В подвале кто-то ходит.

Все переглянулись, но герои были непоколебимы, нашли спичек коробок или два, открыли западную, и стали спускаться. Лестница оказалась с поворотом и когда мальчишки повернули, нам их не стало видно. Стало так темно и тихо, что где-то лопнувшая земля от мороза щелкнула так гулко, что мы все напугались и, крикнув, враз побежали на улицу. Мальчишки, что спускались, подумали, что мы что-то увидели в подвале, и тоже испугались, вылезли, не спустившись до конца, и вышли на улицу. Мы все стояли у ворот. Мальчишки стали звать нас в здание, но мы все тряслись от испуга и мороза, но заходить в школу боялись. Договорились не говорить первоклассникам, а то будут бояться. А сами не пошли даже тогда, когда пришла учительница, ушли во второй корпус. После этого каждый раз, когда я заводила Дусю в школу всегда прислушивалась, не ходят ли покойники в подвале. Как после выяснилось, подвал не проветривали, летом не открывали отдушину. В подвале появился грибок и от сырости подвал стал неприятно пахнуть. Обнаружили всё те же мальчишки–герои. Днём спустились в подвал со свечами, принесёнными из дома.

Вскоре начались зимние каникулы. С 1-го января по старому стилю. А что случилось в январе, вы знаете из предыдущей главы.

4. Нарым

Зима 1931 года в Нарыме не показалась очень холодной, хотя морозы были за 40 градусов. Лес, окружавший бараки, а их стояло штук шесть, ограждал от ветра. Ветер дул верховой, а внизу было тихо, не колыхалась ни одна ветка. Люди, привезённые на Галку со всех концов Союза, жили как во сне. Днём мужчины заготавливали дрова, женщины готовили пищу, если было из чего готовить.

Дети бродили по снегу, играли. В первых двух бараках люди, привезённые по последней санной дороге в 1930 году, рассказывали о проведённом лете. Летом они корчевали гари, осенью посеяли рожь, и стали строить бараки. За лето построили пять барачков, в два из палаток и временных шалашей перешли те, кто приехал раньше и строил. В остальные бараки стали

привозить людей, как только замёрзли болота. Шестой барак начали строить зимой и к нашему приезду не успели навесить двери, вставить окна. Больше не строили, и люди жили без работы.

Через две недели после отъезда обоза за багажом, обоз вернулся, люди разобрали свои вещи и повеселели. Лошадей сразу сдали на конюшню. Шмаков Анисим Иудович передал своей жене от Еваровича привет, рассказал, как он спрашивал о местности: «Я ему расхвалил», рассказывал Анисим Иудович. На другой день Анисим Иудович поговорил с Ветошкиным Егором Фадеичем о постройке совместной избушки. Пошли к коменданту за разрешением. Получив разрешение, в тот же день вышли на расчистку места. Выбрали пригорочек, лес рубили, обчищали сучья, кряжевали, жгли сучья, расчищали снег. На всё хватало рук. У Ветошкина было 2 сына и дочь, у нас тоже двое мужчин – папа и брат Трофим. Мы не отставали, таскали сучья, жгли их, чистили снег.

Через 10 дней справили новоселье. Когда начали строить избу – все смеялись. Глупая затея говорили, а когда перешли из барака, стали завидовать. Рядом с нашей избой стали строить избу Курганческие четыре семьи. Папа помогал им делать двери, рамы, через 8 дней заселилась вторая изба, а там уже строились еще 3 избушки. К весне, когда стаял снег, насчитывалось больше 30 избушек. Шестой барак разгрузился, так как большинство строилось из шестого. Комендатура приставила в посёлок бригадира по фамилии Жданов. И улицу вновь заселённую назвали Ждановка.

***

Весна наступила со своими заботами, радостями и горестями. Сразу как стаял снег всех взрослых стали назначать на работу. Посёлок старожиллов был в 3-4 километрах от переселенцев, как стали называть ссыльных кулаков. Слова кулак можно было услышать, только когда комендант хотел кого-то отругать, унижить. В справках дали название переселенец. Жители с окружающих посёлков: Большая – Галка, Малая – Галка, Силиваниха, Боготырёвка, Суйга, Вовиловка и других называли всех приезжих «Лишонцы-проклятые». Если увидят идущих по посёлку женщин, девушек меняющих вещи на продукты они загоняют своих детей домой, крича детям:

- Идите скорее домой! Видите, идут Лишонцы-проклятые, они вас съедят! И т.п.

И дети убегали, двери захлопывались и только через окно жители торговались, покупали все, что им понравится, давая крынку молока, краюху хлеба, картошки, муку, масло.

Люди трудились, обживая новые места. Строили дороги, осушали болота, корчевали, готовя землю для вспашки озимых. Яровые здесь не росли. С теплом появился гнус: комары, мошка, слепни, пауты.

И тут еще стала распространяться эпидемия тифа–сыпняка и брюшного. Люди гибли, особенно в бараках, где большое скопление. Улица Ждановка с одной стороны избушки с другой бараки. Одна дорога разделяла их. Но всё же в избушках, если и заболели, смертность была меньше. Трупы мертвых выносили к первому барку и складывали под крышу. Вечером похоронная бригада на лошадях ложили на телеги по 6-7 трупов и увозили в тайгу, где было отведено место под кладбище, а днём выкапывали ямы-могилы не глубже полутора метров и те до половины наполнялись водой, хоронили без гробов. Как в братскую могилу по 20-25 трупов. В день умирало до 26-27 человек. И без гробов только–только успевали хоронить, спуская трупы в воду, засыпая метровым слоем земли. Ужасно вспоминать об это, а ещё не раз придётся вспомнить.

Как только растаял снег, прошел лёд на речке Галка, в комендатуру вызвали всех, кто имел свои мельницы, и предложили подыскать подходящее место для постройки мельницы. Одно дело иметь мельницу – другое строить её. Из 18 мужчин только один дал согласие на это, как все считали рискованное дело. Этот один был ни кто иной, как Шмаков Анисим Иудович. Ему сразу дали справку:

СПРАВКА

Дана спецпереселенцу Шмакову Анисиму Иудовичу, имеющему права ходить по берегам реки Галка вверх и вниз по течению на 50 километров с целью подыскания места для постройки мельницы. Иметь при себе трёх мужчин по его выбору.

Комендант (подпись)

/Малышев.

Красная саранка или лилия кудреватая, как и все лилейные, формирует вместо корня луковицу, состоящую из множества сочных и мясистых чешуек. Именно сладкая луковица этого целебного растения привлекала детей ранней весной. Трактор при распашке, переворачивал плугом пласты земли, а следом, за плугом тянулась борона, которая разбивала землю и она становилась мягкой и взбитой, словно перина. А уже за бороной бежали дети.

Белые луковицы саранки, напоминающие чесночные головки, оказывались на поверхности и были хорошо видны на черной земле. Досыта наевшись и набив полные карманы, счастливые и радостные возвращались домой, сами того не понимая, что наносим непоправимый вред этой популяции. Старая сибирская легенда рассказывает, что луковица саранки возникла из сердца казачьего атамана Ермака, который погиб в 16 веке на Иртыше, в бою с ханом Кучумом.

Свежие луковицы лилии кудреватой съедобны и в сыром, и вареном виде. Луковицы имеют приятный сладковатый вкус, из них варили похлебку и

кашу на молоке. Вареные луковицы несколько напоминают по вкусу картофель, но имеют свой неповторимый и особенный вкусовой оттенок. Летом, когда расцветали цветы, их яркие венчики сигналили нам своим красным цветом и были заметны издали. И мы опять занимались натуроедством, собирая венчики цветов и тут же, с удовольствием съедая их ...

На второй день утром Шмаков с сыном Трофимом и ещё двумя мужчинами пошли вниз по течению Галки от посёлка Большая – Галка по направлению к реке Бакчар в которую впадала река Галка. На третий день они вышли на поляну – гари, где стоял один домик местного жителя. Отдохнули, покушали что было. Анисим Иудович поговорил с хозяином домика и пошли дальше. Дойдя до устья Галки, они вернулись обратно и развели костёр на берегу для ночлега, как разводили прошлые ночи. В дом они и не пытались проситься, зная, что не пустят. Утром ещё раз, оглядев берега с полкилометра повыше домика, промерив глубину, Шмаков старший решил – лучшего места не найти. Обратно ещё раз прошли берегом, взвешивая всё. По возвращении Шмаков Анисим Иудович доложил о выбранном месте. Через неделю ушли с сыном на место стройки мельницы.

Прошла весна, наступило лето. Стали поспевать ягоды. Мы подросли, старались изучать местность. Далеко в лес ходить боялись, но далеко ходить и не надо, по дороге в посёлок Большая – Галка по обеим сторонам был лес. Стояли столетние кедры, ели, пихты, а по берегу речки голубые ягоды, листа не видно крупные – это голубица.

Люди стали оживать когда появилась черемша, жители черемшу звали колба, саранки.

Паёк давали мукой, рыбой, растительное масло, сахар. Выдавали сразу на месяц. На рабочего 12 кг. муки ржаной, на иждивенца – 6 кг., на детей 9 кг. Русский человек привык, есть хлеба много, да и приварка почти не было. Многие стали добавлять в хлеб гнилушки, опилки, отчего опухали. Наша семья не добавляла ничего такого, выменивали картошку, и мама её добавляла в хлеб. Всю зиму стряпали только лепёшки. Печь хлеб было негде. Весной мама задумала сделать русскую печь на улице. Мама организовала нас подростков из нашей семьи и семьи Ветошкина Егора Фадеича и его жену Василису Ивановну. Мама с Василисой Ивановной сняли дёрн возле ямы, которая образовалась после поднятия земли на потолок избушки, углубили на полметра, после этого нагнули дуги, из хворостин, втыкая их концы поперек будущей печи, переплели дуги прутьями, впереди поставили на дуги чурочку для трубы. Мы ребяташки намесили глины, женщины забросали сооружение глиной толщиной сантиметров на тридцать. Когда глина подсохла, обмазали, загладили, чурку вытащили. Печь затопили, опалубка выгорела. Внутри печи вымазали и печь готова. Прекрасная получилась печь. Пекли в ней не только наши семьи, но и соседи. Мы часто приносили саранки. Мама их сушила, толкла

в ступе и заводила из муки саранок тесто. Раскатывала маленькими лепёшечками, выпекала пряники. Какие они сладкие, приторно сладкие, много их не съешь и после того как их съешь долго не хочется есть.

Папа приходил редко через две, три недели, за хлебом приходил Троша. Напрямую по проложенной дороге до Селиванихи, как называли хутор, где жил один сторожил Селиванов, было километров 12, а берегом реки километров 60, а то и больше. Одновременно с постройкой мельницы начали строить здание для комендатуры, барак для больницы, школу. Центр основывался за 12 километров от реки Галки, куда были приведены спецпереселенцы.

Всё бы было хорошо, но однажды утром не поднялась Василиса Ивановна, заболела сыпняком. Мама стала ухаживать и через 3 дня слегла сама. Обе мамы лежали без сознания.

Остались за старших у Ветошкиных Лиза 13-ти лет, у нас я. В нашей семье заболели Дуся и Гоша. На меня выпала вся тяжесть готовить, ухаживать за больными. А тут ещё кончился печёный хлеб и у нас и у Ветошкиных. Завели мы с Лизой квашни. Ни она, ни я до этого не стряпали. В ночь несколько раз смотрели, боялись переквасить. Утром поставили квашонки рядом на лавку и стали примешивать. Ни силы, ни сноровки нет обе плачем. Пришла соседка, увидела, что мы плачем, вымыла руки и давай месить, в тоже время рассказывала, как легче примесить квашню. Испечь испекли сами и без слёз, на это наших сил хватило. Василиса Ивановна поднялась через три недели, а мама пролежала больше месяца. Двадцать пять дней мама лежала без памяти и ничего не ела, только мы её поили сладкой водой, разжимая ей рот ложкой. Лиза держала ложку, а я маленькой ложечкой вливала ей сладкую воду насыщенную сахарам. На 26 день мама подозвала меня и попросила поесть. Сколько было радости у меня! Мама заговорила! Нет слов, описать эту радость. Соседки приходили в день по 2-3 раза проведать, а выйдя тихо говорили:

- Умрёт Яковлевна, оставит сиротами детей.

Я серчала на соседок за это. Я не допускала мысли, что мама может умереть. И вот радость. Она заговорила! Я налила супу, и ложечкой покормила маму. На другой день мама подозвала нас с Дусей. Дуся выздоровела и уже бегала. Мы подошли к маме, она подняла руки, поставив их на локти и говорит:

- Девочки, а у меня хоть маленькие руки, но есть, и пальцами пошевелила.

- Мама, а разве у тебя их не было?

- Эх! Вы ничего не знаете. И закрыла свои карие ласковые глаза.

Я вышла на улицу и заплакала, мне казалось, что мама бредит, значит, она всё еще без памяти. Но в обед она попросила повернуть её на бок и сама поела, своими руками доносила до рта пищу, я снова обрадовалась. Мама стала поправляться. На пятый-шестой день стала садиться без помощи, ещё через неделю мама с палочкой стала двигаться по квартире. Но нас

посетило ещё одно горе. Заболела Лида 4-х лет, хорошенькая бойкая девочка, заболела в кори. Как корь высыпала, глазки закрылись, и Лида всё просила:

- Откройте мне глазки, я хочу посмотреть на маму и на вас.

Лиде становилось всё хуже и хуже. Мама села шить Лиде смертное платьице. В это время постучали в дверь, я открыла и увидела всадника верхом на коне с плеткой в руке. Черенком плётки он и стучал в дверь.

- Шмаков здесь живёт? Спросил он.

Я кивнула головой, что здесь.

- Пусть Шмачиха вынесет попить.

Мама всё слышала, поднялась, взяла ковшик, поддела воды и вышла.

- Шмачиха, да ты ли это! Вскричал всадник.

- Да я его культу в холодной заморожу! До чего довёл жену.

Мама тихо промолвила:

- После болезни я, в тифу болела больше месяца, только поднялась.

- Да! Сказал всадник, подал ковш, повернул коня, и уехал, не сказав больше ни слова.

- Кто это мама? Спросили мы все разом.

- Еварович. Комендант пересыльного пункта г. Томска.

А вечером пришел папа и принёс продукты: масло, сыр, мяса, рыбу и пшеничной муки десять килограммов. Еварович, повернув коня от нашей избышки, сразу поехал на Селиваниху, где папа строил мельницу. К тому времени комендатура была уже на Селиванихе. Приехав, сразу вызвал к себе папу. Первым делом он ругал его:

- Ты что культура расхвалил эти места? Комаров что ли?

- Гражданин комендант! Комаров зимой не было. А приволье, лес, красота. Обживем, и будет всё хорошо.

- Ну, культура! Полюбил я тебя за изворотливость. А вот что ты сделал со своей красивой женой? На требование, иди на склад вольнонаёмных, получи всё, что здесь написано, и сразу иди на Галку. Что бы через месяц жена имела прежний вид. Иди!

Через три дня после посещения нас папой, принесшим продукты, Лида умерла. Её схоронили в выдолбленном гробике на горочке под большим кедром. А через 10 дней после смерти Лиды папа перевёз нас в Селиваниху.

***

Дорога шла лесом, только в небо дыра. День клонился к вечеру. В лесу пели птицы. Стало прохладно, пасмурно, только сверху светило небо. Одинокая телега, запряжённая худой, можно пересчитать рёбра, лошадёвкой

тихо двигалась. Мы все шли пешком. Все были ещё в плену утраты. Я очень тяжело перенесла смерть сестрёнки. Когда Лида умирала, я упала на траву, навзрыд рыдая. И вот сейчас, уходя от могилы, нам всем было тяжело. Осталась родная могилка в дремучем лесу у края болота под огромным кедром, раскидывавшим тень во все четыре стороны. А осенью кедровые шишки...

Поздним вечером прибыли на Селиваниху, где стоял когда-то один пятистенник жителя тайги Селиванова. Теперь был посёлок, больше 20 домов. Селиванов, как только началась стройка, проклиная всё и всех, покинул дом, уехал дальше в тайгу. В его доме жило 4-ре семьи. Вот сюда и привёз нас папа, пятой семьёй.

Наутро мы дети стали знакомиться с местностью. Где строился посёлок, местность была возвышенной. Гарь на два квадратных километра, а дальше окружала вековая тайга, зелёной стеной стояли кедры, пихты, ели. Шла стройка в полную силу. Днём строились дома разного назначения, на берегу строилась мельница. Вечерами, после 7 часов вечера до 11-ти, все выходили, стары и малы и рабочие. Раскорчёвывали площадь под застройку Районного центра. Село уже в документах называлось Бакчар. Корчевали вручную, тракторов не знали. А сухие деревья стояли в три обхвата.

Как сейчас вижу огромный обгорелый кедр. Пятеро мужчин стали вокруг его взялись за руки и сантиметра на три не хватило рук крайних мужчин. Деревья спиливали, раскряжёвывали и отвозили на отведённое место лесного склада. Мы подростки собирали сучья, таскали к разведённым кострам, старики сжигали сучья. Мужчины посильнее приспособили ворота к пням и с криком «Взяли!» наваливались на жерди, выворачивали пни. Пни так же сжигались. И так до глубокой осени трудились люди. Днём на стройке, вечером на раскорчёвке. Руководили всем Буданов и Малышев. Папа у начальства был на хорошем счету, его уважали, а он не щадя себя трудился, отдавая постройке первой в тайге мельницы всё своё знание и силу. Но вот в конце июля папа пришел с работы чуть живой, кое-как умылся и лёг в постель, отказавшись покушать. Утром папа не смог подняться с постели. Постель была устроена на улице. На козликах настланы доски и натянута палатка. На работу пошел один Гриша, он сообщил Малышеву о болезни папы. Часов в 12 дня папа позвал к себе маму и стал наказывать:

- Катя стройку оставляю на тебя, смотри, чтобы не растащили инструмент.

Начал перечислять, сколько чего, лопат, ломов и т.д. Мама заплакала и сквозь слёзы спросила:

- Куда же ты собрался?

- В Москву вызывают, к Сталину еду. И загудел, изображая мотор самолёта. Через мгновение замолк, и не стало слышно дыхания, только зеркала отпотевало, показывая, что человек ещё живой. Мама послала нас с Дусей к Троше сообщить состояние папы. Троша сообщил Малышеву, тот Буданову

и через полчаса Буданов с Малышевым во главе с врачом приехали к больному. Врач осмотрел, дал порошки и сказал, что если вспотеет после третьего порошка поданного, то будет жить, не вспотеет ... И все уехали. Утром Малышев приехал навестить. Папа потел всю ночь очень обильно. Начальство поддержали больного продуктами, и через 20 дней папа был здоров.

***

Настала осень. К первому сентября открылась начальная школа. Учителей не хватало. Всего было два учителя, которые взяли по 2 класса. Мы с Дусей пошли тоже учиться, хотя папа и не хотел отдавать, но комендатура объявила обязательное начальное обучение. Дуся пошла снова в первый класс я во второй. Окончили с хорошими оценками. Весной 1932 года закончилось строительство мельницы. Мельница в два подстава, работать на мельнице поставили папу. Размалывали первый урожай 1931 года. Урожай был богатый. Земля щедро наградила тружеников. На этом урожае я училась жать. На уборку выезжали все без исключения, кто мог что-то делать: жать, вязать, делать вязки, таскать снопы, ставить суслоны. Мы с Дусей принимали активное участие. Первый раз в жизни были в поле в качестве рабочей силы.

... Ходили к местным менять все то, что привезли из дому. Там у нас семена были привезены, одежду тоже ходили менять на картошку. А потом и менять стало нечего, зайдешь в дом: дайте ради Христа. Скажешь «ради Христа» дадут. Отщипнут маленький кусочек»...

... Потом мама стала в деревни ходить вещи менять. Бабушка из дому какие-нибудь вещи пришлет, мама идет их менять. Весной за реку прямо на бревнах перебиралась, чуть не утонула. Ушла один раз в деревню Вандыш за картошкой. Должна уже придти, а ее все нет, один день, второй, третий.... Мы сидим, режем. Люди идут, говорят: она сзади идет. У нее силы от голода кончились, а надо было мешок картошки по грязной дороге тащить ... (там же).

Ранней весной 1932 года под арестом привезли Марусю беженку. Тогда всех собирали, кто сбежал со ссылки. Семья наша прибыла. Маруся быстро знакомясь с жителями тайги. Если нам приходилось идти, что-то купить или вернее выменять, мы всегда шли вдвоём с Марусей. Подойдя к окну, Маруся всегда начинала расхваливать детишек, державшихся за материнскую юбку, чтобы лишонцы–проклятые не унесли их. И стоило только похвалить детей, как нас приглашали заходить в дом. И мы успешно покупали, что нужно: молоко, творог и т.д.

Летом семья наша переехала жить на мельницу в тепляк над водяными колесами. Тепляк это комната над колёсами, светлая в три окна с печкой–плитой. Комната планируется для отопления колёс в зимнее время и обогрева работающих. Лето мы прожили в этой комнате прекрасно, как на

пароходе. И папа с братом работали дома, но когда настала зима, река покрылась льдом, жить стало невозможно. В комнате стоял тяжёлый воздух, запах сероводорода. У всех стали болеть глаза. Серебро через сутки становилось черным. Папе дали комнатку в одном жилом бараке рядом с мельницей, куда вся семья и переселилась. Но жить здесь пришлось недолго. Мельница отошла в колхоз, организованный из спецпереселенцев. В колхозе нашлись специалисты работать на мельнице. Шмаков идти в колхоз не хотел. Комендатура его направила ремонтировать колхозную мельницу, в деревню Мошевикино.

И мы все семьёй переехали в Мошевикино Поночевского сельсовета, но на учёт Шмакову предложили стать в деревне Богатырёвка, где была комендатура.

Колхоз дал квартиру. Папа с братом приступили к ремонту мельницы, а нам с Дусей пришлось ходить в школу в Богатырёвку (в Мошевикино школы не было) за три километра в морозы за 40 градусов. Уроки мы не пропускали, но часто приходили обмороженными.

Вспомнила один забавный случай. В сорокаградусный мороз я шла из школы. И только вышла из Богатырёвки у меня лопнула резинка у трусов. Чтобы трусы не спали, мне пришлось их держать одной рукой. В другой руке была сумка с книгами. Закрывать от холодного ветра лицо не было никакой возможности. Сначала очень мерз нос. Но скоро я не стала его ощущать. Пришла домой с отмороженным носом и с тех пор по настоящее время каждую зиму я обмораживаю нос. А прошло 50 лет.

Мельницу отремонтировали за месяц. До весны папа и Троша работали на мельнице, а весной 1933 года папу направили строить мельницу за 18 километров от Богатырёвки в деревню Вавиловка для Богатырёвского колхоза.

Перевёз Шмаков семью на новое место через неделю, в наскоро отделанную насыпную избушку из двух комнат. Первая большая с нарами по двум стенам, окно было только над дверью. Эта комната назначалась для рабочих. Вторая комната намного меньше с одним небольшим окном и нарами с одной стороны от стены до стены. У другой стены сделано что-то вроде топчана для двоих, то есть «кровать» для папы с мамой. Избушка стояла метров триста от деревни, вниз по течению реки.

Привычные к частым переездам мы скоро освоились с местностью, познакомились с жителями деревушки. Мама слепила с нашей помощью на улице печь. Брат сделал крышу над печью, и зажили. Мы дети беззаботно ходили в лес, младшие братишки рыбачили. Рыбы в реке было много. Яша сделал на палке петлю из конского волоса, и ходил по берегам, высматривая щук и налимов, которые любили стоять тихо под корягой на солнце. Яша приловчился подводить петлю рыбине за голову и дёргал, петля затягивалась за жабрами, и он вытаскивал рыбину из реки.

Однажды теплым субботним вечером, когда рабочие уехали все в Богатырёвку помыться в баньке и отдохнуть в воскресенье, семейство Шмакова, оставшись одни, решило полюбоваться рекой. Вышли все на плотину, потом на мост. Папа с мамой о чём-то говорили, о своём житейском. Дуся, Маруся, Гоша любовались закатом. Троша, так же любуясь красотой природы, попросил меня спеть частушки. Меня уговаривать не надо было, и в вечерней тишине раздался голосок:

Милый чо, да милый чо,
Навалился на плечо?
А я милая не чо,
Я влюбился горячо!

Все расхохотались:

- Где это Ольга ты выучилась петь, на кержацком наречии? Удивился папа. Но в это самое мгновение раздался ужасный детский крик. Вся семья бросилась на крик и увидела висящего над водой мальчика. Мальчик одной ручонкой держался за ветку ивы, а другой держал длинную палку, которая тянула мальчика в воду. Мальчику было лет 8-9.

- Несите сачок! Скомандовал Анисим Иудович. Догадавшись в чём дело, Троша с быстротой ветра сбегал за сачком. Анисим Иудович просил мальчика бросить палку, но он, стиснув зубы, молчал и до побеления суставов держался за ветку и палку. Когда сачок оказался в руках Анисима Иудовича он подвёл его под огромную щуку, которая была за жабры поймана петлёй, и со всей своей силы тянула палку, за которую была привязана петля.

- Ого! Какая щука: – Сказал Анисим Иудович, вытаскивая рыбину из воды. Мы все кинулись смотреть щуку, позабыв о мальчике и только мама, стоящая, бледная, полуживая бросилась к ребёнку, который бросив палку и опустив ветку, стоял у самой воды с сияющим личиком, растирая занемевшие пальцы рук. Со слезами мама обняла своё чадо. Это был Яша – наш знаменитый рыболов.

Утомлённые родители рано стали укладываться спать и нам предложили лечь. Я послушно легла, но когда взошла Луна, я по обыкновению вышла из барака (так называли наше помещение) с книгой и стала читать. Ко мне подошёл местный паренёк Тима Ананьев, попросил почитать вслух. Так мы просидели, пока не скрылась на небе Луна. Читать стало темно. Тима заговорил, что с ним было очень редко. Он мог просидеть ночь и не сказать ни слова, только выполнять то, что я попрошу его делать. Он часто светил спичкой, лучинкой, а я читала.

Он сказал:

- Оля посоветуй, что мне делать? С отчимом я жить больше не могу...

- Иди в Мошевикино, подай заявление в колхоз.
- А где я буду жить?
- Колхоз определит тебя на квартиру, а со временем ты купишь или построишь избу.
- Это бы хорошо. Но на ком я женюсь, ты за меня не пойдёшь?!
- Да, я не пойду. А жениться ты можешь на Батраковой Луше.
- Ну, тогда ладно. Ты напишешь заявление?
- Напишу, только завтра, а сейчас иди спать.
- Ладно, я пошел.

И я пошла, спать, а через час мама встала, у неё была заведена квашня. Из вчера пойманной щуки мама испекла два пирога, израсходовав на пироги всего половину рыбины.

Воскресенье прошло тихо. Вечером как всегда все легли спать. Было жарка, душно, и я снова ушла читать при Луне. Но Луна в этот вечер скоро скрылась и я, написав обещанное заявление Тимофею, велела ему идти спать, а сама спустилась с берега, разделась и пошла к воде искупаться, как делала до этого много раз. Только подошла к самой воде, как раздался громкий всплеск воды и по воде пошла рябь. Сделалось так страшно, что я схватила своё бельишко и быстро побежала в барак. И только за закрытой дверью я вся, трясаясь от страха, стала одевать на себя рубашонку. Ох! Как я тогда перепугалась. Утром рассказала маме.

- Не будешь купаться ночью. Это водяной приходил за человеческой душой.

Нас часто пугали водяным. И поэтому я не придавала ни какого значения маминим словам. Скоро стали съезжаться рабочие – колхозники. Мельницу строил Богатырёвский колхоз. Колхозники считали себя хозяевами и поэтому приезжали, когда хотели, уезжали в 18 часов. Оставалась только молодёжь. Ехали на работу в понедельник не дружно. Кто приехал первым, дожидались приезда остальных. Первым в этот раз, приехал Стёпа Иванов и сразу развязал котомку с продуктами, стал, есть с таким аппетитом, что мог бы позавидовать любой богатырь. Девушки смеялись от всей души, говоря ему:

- Стёпа, ты сам с вершок, а съедаешь продуктов с мешок! Мама тебе положила на неделю, а ты съешь зараз.

А я поем раз и навсегда: – Отвечал Стёпа насмешницам девушкам.

Стёпа ростом был мал (156 см.), но плечист, пригож собой. И девушкам хотелось с ним шутить. Но вот съехались все подводы. День с утра был жаркий. Шмаков дал команду приступить к работе, сделал разнарядку, и закипела работа с шуткой–прибауткой. Девушки, нагрузив тачки землёй,

запевали, до подхода следующей подводой. До обеда проработали без приключений. Все пошли к бараку поесть и лечь отдохнуть. На обед был положен час. Но, в этот день не суждено было начать работу. Время быстро летело. Солнце сильно грело. Наступил обеденный час. Рабочие пошли в барак. Кто работал на лошадях, распрягали лошадей. Первым распряг Стёпа, и сев на лошадь верхом спустился к реке. Решил искупать своего коня, а попутно искупаться и сам. За ним последовали все ребята, кто работал на лошадях. А кто не работал с лошастью, так же решили искупаться. Екатерина Яковлевна в это время вышла из барака за жареной рыбой. Увидев купающихся, обратила внимание на одну лошадь, которая погрузилась вся в воду под тяжестью парней, забравшихся на спину втроём. Это была лошадь ездового Стёпы, но ребята, дурачась, отняли у Степы повод и не давали коню выплыть на мелкое место.

Конь терял последние силы. Екатерина Яковлевна закричала на ребят:

- Что Вы делаете! Утопите коня! Ребята бросили повод и скатились со спины животного. Екатерина Яковлевна пошла в барак, у дверей оглянулась, увидела выходящую из воды лошадь без седока. А вскоре все слышали крики:

- Стёпа утонул! Стёпа!

Прервав обед, все выбежали к реке. Ребята, кто посмелее, стали нырять, искать Стёпу. Но никто ничего не находил. Шмаков распорядился, вернее, послал в Богатырёвку мужчину, который должен был сообщить о случившемся, и привести водолаза. К вечеру приехала из Богатырёвки милиция и водолаз. Водолаз приступил к поиску, а милиция к допросу. Ныряли в том месте где вышла лошадь, а нашли Стёпу выше по течению того места шагов на пять. Как раз против того места где вечером в воскресенье я хотела искупаться, но услышав всплеск воды и увидев рябь на воде, испугавшись убежала неодетая домой. Вот и сбылись предсказания! Водяной взял человека. Так печально и кончился понедельник, когда Стёпа наелся навсегда. Все уехали. Впервые за лето Оля осталась в бараке, не вышла читать при лунном свете.

Лето подходило к концу. Поспевали хлеба. Строительство мельницы почти приостановилось. На строительство приезжало человек 15-20. Этого было недостаточно. День стал коротким. Ночи холодными. Ночевать в неотапливаемом бараке было неудобно. Колхозники каждый вечер уезжали домой, и приезжали утром только к 9-10 часам.

Семейство Шмакова Анисима Иудовича из барака переселилась в посёлок в пустующую избушку. Хозяин избушки уехал в Мощевикино, вступил в колхоз, и с удовольствием пустил на квартиру, на зиму. После тесного полутёмного холодного барака, детям казалась Раем тёплая, светлая, уютная Избушечка. Анисим Иудович стал писать в вышестоящие органы о прекращении выделения рабочих на стройку.

Приняв во внимание тревогу строителя, районный совет стал ходатайствовать и добился выделения 60-ти человек заключённых. Чтобы принять такое количество людей стали строить барак. К прибытию партии заключённых барак был готов и строительство возобновилось.

В семье Шмакова осенью произошло естественное уменьшение на одного члена семьи. Мария Анисимовна ещё когда всё семейство жило в Мощевкино, познакомилась с Килиным Степаном Петровичем. Паренёк скромный, тихий, образованный. Они полюбили друг – друга. И вот в один прекрасный субботний вечер приехал Стёпа Килин, объяснился с Анисимом Иудовичем, Екатериной Яковлевной и родители благословили дочь. Стёпа сразу увёз Марусю. Осталось в семье 7-мь человек. В ту осень Оле и Дусе нужно было ходить в школу в Богатырёвку.

Осень 1936 года была тёплая, продолжительная. До середины декабря Дуся и Оля ходили в школу в деревню Богатырёвка, но вот подули сильные ветры, мороз под 40 градусов, дороги передувало, и ходить тёмными утрами – вечерами стало невозможно. И мы с Дусей попросились ночевать в школе, где была небольшая комнатёнка с плитой и вделанным большим котлом для нагревания воды для мытья полов. Вместо сторожа в школе в этой комнате жила техничка пожилая женщина. Вот у неё мы и ночевали. Уроки готовили в классных комнатах. Училась я хорошо, Дуся посредственно. Если Дуся не могла решить задачу, она расстраивалась, плакала, и Оле приходилось ей разъяснять. Оля принимала вид учительницы, и разъясняла, то есть спрашивала:

- Что известно в задаче? Чего не известно?

Дуся отвечала.

- Что нужно узнать? Поняла?!

- Поняла! – Кричала Дуся: – Не подсказывай, я сама решу!

И Дуся счастливая решала задачи. Иногда Учительница Александра Михайловна проходила мимо класса, где занимались Оля с Дусей, слышала Олин учительский серьёзный голос, учивший Дусю решать задачи. Александра Михайловна жила в школе, в двухкомнатной квартире специально построенной для Директора школы. Поэтому она привязалась к девочкам, особенно к Оле. Оля училась у неё в классе. Александра Михайловна преподавала в 4-м классе. Она часто приглашала девочек к себе, разрешала готовить уроки в классных комнатах. Готовить девочки почти не готовили, и если не было кипятку ели хлеб со снегом, добавляя в снег немного сахарного песка. Как это было вкусно! В школе в те годы применяли Д.С.У. (детское самоуправление), избиралось правление на классном собрании. В 4-м классе выбрали Олю Шмакову председателем ДСУ. Кандидатуру выдвинул ученик 4-го класса Клеймёнов Павел. Этого мальчика часто сажали с девочками за разговоры на уроке. Однажды его

посадили к Оле Шмаковой. Он попытался с ней заговорить, но она молчала, тогда он достал листок бумаги, и стал писать письмо девочке, не учившейся в школе – Стеше:

- Дарагая стеша ...

Оля засмеялась.

- Чего ты смеёшься?! – Возмутился Павел.

- Ты пишешь письмо девочке и в каждом слове делаешь ошибки. Написала ему Оля

- Какие?

- «Дарагая» нужно писать через «о» – «Дорогая», «стеша» – имя существительное нужно писать с большой буквы – «Стеша».

В это время раздался голос Александры Михайловны:

- Шмакова встань!

Оля встала. Первый раз за все годы её поставили перед классом.

- Чем вы занимаетесь?

- Клеймёнов начал выполнять урок по русскому языку и сделал в двух словах три ошибки, я ему написала об этом.

- Садись.

Но назавтра Клеймёнова посадили одного за парту. Первый класс учила Анастасия Андреевна – учительница пожилая, больная. Ко второй четверти у неё открылось кровохарканье. Врачи признали открытый туберкулёз. Заниматься с ребятами ей запретили. Александра Михайловна предложила подключить ученика 4-го класса вести занятия в 1-м классе. И вот Ольга Шмакова преподаёт в первом классе все уроки по плану, составленному Анастасией Андреевной. Дети слушают, и успеваемость не падает, а наоборот улучшается. Дети называют Олю – Анастасия Андреевна. Год заканчивается успешно для ребят и для «преподавателя». Учителя Богатырёвской школы пророчили Шмаковой Оле быть учителем. Но увы! Шмаков Анисим Иудович решил по-своему и не отдал дочь учиться в 5-й класс, делая при этом вывод:

- Пелёнки сосчитать сможешь? Сможешь. Письмо написать тоже напишешь. А больше девчонке грамота не нужна.

Сколько Оля не плакала, просясь в школу, её учение было закончено.

Дальнейшая её жизнь до 19 лет прошла по прислугам. Попадались хозяева хорошие и плохие. Но везде нужно было водиться с детьми, готовить завтраки, обеды и ужины. Стирать, мыть, покупать продукты, вообще вести всё домашнее хозяйство и угождать, подчиняться даже малышам. Изредка меня отпускали в клуб в кино. Так проходили мои молодые годы.

В 1938-1939 год я жила в домработницах у зауча школы д. Богатырёвка. Часто приходилось ходить в школу. Особенно когда шли кустовые совещания, где я и встретила учителя начальных классов из посёлка Мошевикино (где жил мой старший брат Трофим). Сараева Лаврентия Трофимовича. Мы сразу понравились друг другу.

Я стала чаще ходить к брату и на танцы в колхозный клуб. Лаврентий Трофимович стал ухаживать, и когда закончились занятия в школе, он сделал мне предложение выйти за него замуж. А через неделю мы объявили папе с мамой о своём решении. Ещё через неделю зарегистрировались в селе Панычево в сельском совете. Так с 1939 года 25 мая, кончилась моя девичья жизнь.

***

У сестрёнки Дуси сложилась жизнь тяжелая, можно сказать трагическая. После окончания третьего класса они с братишками Гошей и Яшей пасли коров в деревне Мошевикино, а зимой она жила в прислугах у богатого семьянина. Где было 2 коровы, овцы, свиньи, куры. Нужно было всё хозяйство содержать, да ещё хозяин брал её в поля, ездили за сеном, соломой. Хотя у них был взрослый сын. Когда я вышла замуж, Дуси исполнилось 18 лет. Отец к тому времени уже не строил мельницы, а зарабатывал на пропитание столярно-бондарным ремеслом. В колхоз идти не хотел. Комендант часто его вызывал в кабинет и грозил осудить за единоличный образ жизни. Вот и получилось что за грехи отца, за его упрямство пришлось ответить дочери Дусе.

В 1939 году отец вышел из рабочего возраста, а Дуся по годам стала совершеннолетней. Комендант сначала обложил отца налогом, а потом поставил головой семьи Дусю и предъявил ей, если она в 3-дневный срок не уплатит задолженность по налогу в сумме 3,5 тысячи, то дело передадут в суд. Такую сумму взять было негде, и Дусю посадили, а через неделю осудили на 2 года. У отца забрали инструмент, избушку, и выслали из Богатырёвки в Сухой посёлок – дальше в тайгу. Отец успел передать Дусе валенки, так как на дворе стоял октябрь месяц. Это в Нарыме осень, снег и мороз. При формировании партии осужденных к отправке к месту отбытия срока Дусе передали валенки, но не те, что папа передал ей. Валенки оказались на размер меньше, и Дуся едва натянув их, в первый же день натёрла ноги. В демисезонном пальто в тесных валенках с натёртыми ногами она прошла 352 километра до лагеря.

В лагере было большое подсобное хозяйство: свиньи и рогатый скот. Подлечив кое-как натёртые Дусины ноги, её поставили телятницей на ферму. Ходить на работу от барака, где жили заключённые 2 километра. На ферме работал некто Жарков Сергей. Мужчина 40 лет, пьющий и гулящий. Жарков с первых дней прибытия новой партии заключённых, заглядывался на молоденькую, симпатичную девушку, по характеру спокойную,

застенчивую не способную сказать в свою защиту слова. А когда эта девушка попала под его руководство, он стал её преследовать. Дуся избегала с ним встреч наедине. Так прошел год Дусинового отбывания срока. Летом второго года заключения случилось непредвиденное. Дусю утром вызвал дежурный по бараку и с расспросами о росте телят задержал её на полчаса. Все работающие на ферме ушли, и Дуси пришлось идти одной. На половине пути к ферме, где рос кустарник, Жарков, подкараулил девушку, и как она не отбивалась, не умоляла его, он её изнасиловал. Еле добралась она до фермы. Но Жарков уже распорядился заменить Шмакову – заболевшую. И Дуся целый день пробыла на ферме, не работая. Все по её состоянию говорили, что она больна. К концу срока отбывания всем стало известно, что она в интересном положении. У Жаркова пробудилась совесть, или чувство жалости. Он её проводил из зоны заключения, взяв её адрес, сказал:

- Я через месяц приеду, жди, и мы зарегистрируемся.

Обещание он выполнил. У них родился сын Вячеслав Сергеевич. А Сергей, поступив работать старшим ветврачом, ездил по колхозам. В одно прекрасное время напился и пьяный забыл привязать или сдать коня, ушел домой. Утром лошадь обнаружили в пруду. Жаркову дали 8 лет, где он заболел туберкулёзом и был комиссован. Нужно сказать, что после осуждения Сергея у Дуси остался на руках 8 месячный ребёнок.

Всё, что у них было, описали и приказали освободить квартиру. Она с ребёнком на руках и с маленьким узелком, где были пелёнки и смена её поношенного белья, всё, что разрешили ей взять из квартиры, пришла за 6 километров к родителям.

***

Итак, можно оставить мою сестричку, она живёт с мамой и папой, в живописном уголке таёжной природы. Работает пчеловодом и растит сына.

Она вышла замуж за Духовникова (?) и у них родились ребяташки Валя, Володя и Саша.

***

Моя семейная жизнь спокойно продолжалась недолго. Моего мужа Лаврентия Трофимовича, вскорости, после регистрации, вызвали в райком комсомола и предложили (после хорошей нотации) развестись или положить комсомольский билет на стол и удалиться. Билет то, он выложил, но домой пришел темнее тёмной ноченьки. Лавруша был убеждённым патриотом. Он знал, что по закону дети за родителей не отвечают. Да и виноват ли мой отец? И в чём его вина? Что в период НЕП(а) трудился не покладая рук, поднимая страну из нищеты и разрухи учинённой войной–революцией. Разойтись мы не могли. Мы любили друг друга. Обнялись, наплакались. Мы понимали, что если ничего не предпринимать, то нас

могут разлучить иначе. «Черный ворон» в то время рыскал по ночам и проглатывал в своё чрево неповинных людей, по наговору недоброжелателей. Ночь прошла без сна. Утром решили написать в ЦК Калинину. Я от себя написала честно, кто мои родители, чем занимались до революции и чем на ссылке. Как жила по домработницам. Лавруша описал о себе, и просил разъяснить, имеем ли мы право жить вместе. Отправили письмо в Москву, а сами стали ждать, что будет. Каждую ночь боялись, что могут забрать Лаврентия. Ведь ему в Райкоме сказали, что за связь с дочерью кулака, он скоро угодит в чрево «Черного ворона».

Но как гласит народная пословица «Бог не допустит, свинья не съест». Наше письмо дошло только до района. Из района оно дальше не пошло, его передали в райком партии. Скоро Лаврентия Тимофеевича вызвали в район. Снова дали выговор, вернул комсомольский билет, но покой к нам так и не вернулся, а только удвоился. Под страхом мы прожили до 1941 года. В 1940 году родилась у нас дочь – Фаина.

***

Лаврентий Тимофеевич решил в 1940 году переехать в город Колпашево. Где он поступил на курсы бухгалтеров, а Ольга в районную больницу, на пошив матрасов и белья для больных. И казалось нам, что все трудности позади. Мы прожили спокойно до 1941 года. Лавруша учился, я работала, дочь днём находилась в яслях.

1941 год 21 июня – это была суббота, мы семьёй ходили по магазинам, любовались изобилием промышленных товаров, продуктов. Жили мы в маленьком домике, где не было ни Радио, ни электричества. Придя домой, мы спокойно легли спать, а утром снова решили прогуляться по городу, сходили в парк. По дороге мы встретили знакомого паренька и удивились. Пётр был пьян. До этого мы не видели его пьющим. Лаврентий с удивлением спросил:

- Петя, что случилось, почему ты напился?

- А! Всё равно погибать! Война не игрушка!

Махнул рукой, и пошел от нас. Мы в недоумении пошли по улице. И вдруг услышали голос Левитана:

- Внимание! Внимание! В 4 часа утра немцы без объявления войны напали на Советский Союз, бомбили наши города и т.д.

Этот день 22 июня 1941 года стал трагедией всего народа Советского Союза.

***

Военные годы самые трудные в моей жизни. Через месяц от начала войны Лаврентий окончил курсы и получил назначение в Парабельский район.

По прибытию в Парабель, Лавруша получил назначение в деревню Алатаево в сельпо. Это отдалённая, стоящая в глухом лесу, окруженная болотами и небольшой речкой Парабелкой впадавшей в Обь, деревушка.

Вблизи, чуть повыше по течению, большого таёжного села Нарым, куда царским правительством был выслан И.В. Сталин-Джугашвили. Село располагалось на высоком мысу на стрелке двух рек, таёжной небольшой Парабелки и Оби. А кругом глухая тайга, болота и вековые кедры красавцы, стройные ели, душистые пихты. Вспомнив о ссылке И.В. Сталина, я поняла почему он решил обжить эти прекрасные места, ссылая в Нарым таких людей как мой отец Шмаков А.И., тружеников, зная что они добровольно не поедут. Придумали Кулаков – раскулачивание. А на самом деле люди начали жить в период НЕПа, трудиться не покладая рук.

Через месяц после прибытия нашей семьи в деревню Алатаево, Лаврентия Тимофеевича и ещё 8 мужчин призвали в военкомат села Парабель и через 4 дня отправили на фронт. Я осталась в глухой таёжной деревни, без работы и средств существования, с малым дитём на руках. В военное время в магазинах полки были пустые, а продукты выдавались строго по карточкам. Но карточки отоваривались очень редко. Даже хлеб не всегда можно было получить. Хлеба давали: на детей – 400 грамм, работающим – 500 грамм, не работающим – 200 гр. С хорошим приварком этим хлебом можно было прожить, но у меня не было ничего и взять негде, кроме воды, которую можно было принести с речки и пить сколько душе угодно. Бессчётно раз я обращалась в военкомат и к районному начальству, чтобы нашли мне в районе работу с квартирой. Обещали, но чтобы дожить до «обещанного...».

Пришлось по рекомендации жены кладовщика устроиться на квартиру к зажиточной женщине, жившей со старичком свекром (отцом мужа, ушедшего на фронт). За проживание у неё я была должна: кормить весь скот, чистить в хлевах, содержать дом в чистоте (скота было: корова, тёлка, 10 овец, 2 свиньи и куры). Прожила я у неё с октября до середины февраля. Это меня поддержало, мы с Фаей могли, есть досыта картофель, иногда простоквашу или хозяйка даст стакан молока для Фаи.

***

Какая же перемена произошла в феврале? Пришло долгожданное письмо из военкомата, работать уборщицей в почтовом здании, где ест маленькая комнатка для жилья. В тот же день, когда было получено письмо, заехали к моей хозяйке Парабельские возки с сеном. Хозяйка помогла мне уговорить их увести меня до Парабели за 25 рублей.

***

С вечера все наши вещи были сложены в ящик, и хозяин воза привязал его к задку саней. Утром очень рано, было ещё темно, мы с дочерью

оделись, и с помощью хозяйки по лестнице забрались на высокий воз сена. Обоз тронулся. Завернув Фаю в одеяло, положила её в углубление сена, где она и проспала всю дорогу. А мне в голову приходили мысли как мы с доченькой заживём в комнатке одни. Не будет никто распоряжаться, когда нам лечь спать, когда встать утром. Но радостное настроение было только до прибытия в Парабель.

***

Приехали, сказал возница. Обоз остановился напротив здания почты. Мужчины отвязали ящик с нашим имуществом, поставили возле дороги, помогли нам с Фаей слезть с воза и уехали. Я оставила Фаю у ящика и пошла в здание почты. И увы! Что я услышала:

- Место работы занято, мы ни чем помочь не можем!

И мы с дочуркой остались стоять среди улицы в мороз, а день клонился к ночи. Пойти искать пристанище хотя бы на ночь, но как оставить ребёнка среди улицы. Ящик не поднять силы не хватит. Что делать???

Оказалось «мир не без добрых людей». Подошла женщина с сочувствующим взглядом:

- Вы собрались уезжать? Или приехали?

- Приехали. Еле слышно проговорила я.

- Издалека? Снова спросила подошедшая женщина.

- Из Алатаевки.

О боже! Это моя родная деревня. Я сейчас пойду за санками.

Через полчаса, когда стало уже темнеть, женщина вернулась с санками. Не зная кто мы, а мы, не зная кто эта женщина были рады её приглашению. Поставили ящик на санки и благополучно подошли к низкому мрачному домику. Зайдя в дом со всем своим имуществом, мы оказались в тёмной прихожей, где не было ни одного окна. По сторонам были отгорожены вроде комнат клетушки деревянными заборками, через щели заборков пробивался свет. Женщина сказала:

- Устраивайтесь, а я пойду, отнесу санки, зайду к подруге. Приду поздно и ушла.

***

Мы были рады теплу, крыши над головой, но в душе было какое-то неприятное ощущение. Домик был пустой. В прихожей стоял стол, большой конторский и больше ничего не было. Разделась сама, раздела дочь. Покормила, кусочком хлеба с холодной водой, постелила на стол постель, положила дочурку и легла сама. Кажется, с морозу можно сразу уснуть, но нет! Всякие мысли лезли в голову и сон не шел.

***

Приблизительно в 12 часов ночи раздался стук в двери. Пришла хозяйка с подругой. Подруга спросила:

- Лампа есть?

- Нет.

- Тогда пойдём ко мне за лампой.

При выходе из своей комнатки хозяйка сказала:

Мы скоро придём, закрой за нами дверь, но когда постучат и скажут «Мы к Марии» откроешь. Придут двое мужчин, Пусть пройдут в мою комнату, подождут. Мы скоро придём.

И ушли! Свою комнатку Мария оставила открытой. Женщины ушли! А у меня появился страх за жизнь. Кто эти мужчины? Зачем они придут? Сколько прошло времени? Я не могу точно знать, но мне показалось вечность. Убежать я не могла. Во-первых, не знала куда, в какую сторону, во-вторых с ребёнком далеко не убежишь.

Пока я тряслась от страха, думая, что мне предпринять, в наружную дверь постучали. Мне ничего не оставалось, как идти и открывать дверь. Выйдя тихо в сени, я услышала голоса:

1-й голос: - Рискованно.

2-й голос: нас же двое, чего бояться.

Я сразу ожила. И хотя ещё дрожащим голосом спросил:

- Кто?

- Мы к Марии.

Я приоткрыла дверь. На крыльце стоял высокий, стройный мужчина хорошо одетый. Второй мужчина что-то под деревом недалеко от крыльца зарывал в снег. Я ушла в дом. Мужчины зашли, зажгли спички и просмотрели все углы:

Первый: - Никого нет.

Второй: - Значит, опасности нет.

Но вспомнив про меня, мужчины враз сказали:

- Нас не бойтесь, мы не разбойники. И прошли в комнату Марии.

***

Вскоре, после появления мужчин, пришли Мария и её подруга с лампой, в комнате Марии появился свет, забрякали кружки. Один из мужчин вышел и стал меня приглашать выпить с ними, я отказалась и Мария, выйдя, сказала:

- Отстань от женщины. Она с нами пить не будет, она с дороги, ей нужен отдых.

Долгое время в комнате слышались голоса мирной беседы, смех. Приблизительно через час, я услышала капризный, настойчивый голос подруги Марии:

- Я хочу ещё выпить! Что вам денег жалко. Вы же говорили, что приехали получить деньги для колхоза!

Голос Марии: - Вы сказали, получили.

Мужской голос: - Проверьте.

- И проверим.

Защелкали замки портфелей. И удивительный голос женщин:

- Ничего нет! Куда вы их дели??

Начались споры, и один из мужчин ушел, через некоторое время ушла подруга Марии. Второй мужчина ушел утром.

***

Утром я узнала, что Мария действительно была из деревни Алатаево, фамилия её Колотовкина. Я знала её племянника Аркадия Колотовкина, заведующего клубом в Алатаево. Покушав, мы с дочерью пошли знакомиться с селом, искать Военкомат и квартиру. У Марии я оставаться не хотела. В военкомате на мою просьбы сказали:

- Потерпи. Что-нибудь придумаем, но карточки на продовольствие мне удалось получить. Выкупила хлеб. Фая запросила, есть, и мы вернулись под крышу, в тепло. Так началась наша с доченькой жизнь в Парабели. А ещё через некоторое время я получила похоронку на Лаврентия Тимофеевича, он погиб в первом бою под Ленинградом.

***

Погода стояла замечательная! Светило солнце. Пригревало, и мы с дочуркой целыми днями ходили по селу с надеждой найти квартиру. У Марии оставаться мне не хотелось. Я поняла, что они с подругой день спят, а вечером идут в ресторан, высматривают мужчин с деньгами, заманивают домой, спаивают их же водкой и забрав оставшиеся у них деньги, выпроваживают. Но не всегда видно это им удавалось. В ту ночь, которую я вспомнила, мужчины им попались догадливые. Прежде чем зайти, они деньги спрятали в снегу. Это я поняла на утро, когда увидела то место, где мужчина что-то зарывал в снегу, затоптал и помочился на снег. Там было разрыто, и в ямке был отпечаток чего-то твёрдого, лежавшего под снегом. Взвесив всё это, ох, как мне хотелось скорее найти квартиру и выбраться из этой нечистой норы! Но, увы, и ах! Только на третий день нам с Фаей удалось встретить женщину прачку магазина, где нас прикрепили на получение продовольствия. Она сама подошла к нам с узлом грязного белья и сказала:

- Третий день я вижу вас и слышу, вы ищите квартиру. Пойдёмте ко мне, если вас устроит жить вместе со мной. У меня тоже есть 6-летняя дочь. Место, где жила Таня Григорьева, оказалось в центре села – маленький двухэтажный домик по одной комнате на этаже. Таня жила на втором этаже. Комнатка была небольшая 12-13 квадратных метров, вход с ограды по открытой лестнице и только над площадкой перед дверью была крыша. Комната была светлая в три окна. После тёмной, давящей меня прихожей, где мы провели 4 ночи, мне она показалась дворцом. И хозяйка простая, как я потом узнала, очень благожелательная.

Сразу же договорились о цене, и я оставила Фаю у Тани, взяла у хозяйки санки, и через час пришла со своими вещичками. С квартирой улажено. Теперь проблема с работой! Не буду описывать, сколько мне пришлось встретить отказов, грубостей и т.п. Напишу только, что через 20 дней, после прибытия в Парабель, я устроилась в районную больницу уборщицей. В мою обязанность входило: мыть полы в палатах и коридоре, в общем во всём отделении стационара, ухаживать за цветами (что в палатах), раз в неделю мыть панели, вытирать пыль ежедневно и топить печи – 6 штук. Как буд-то это было вчера, я вспомнила первое утро работы. Пришла я на полчаса раньше, наносила дров к печам, и стала затоплять. 4 печи топками были в коридор, и я их затопила без труда. Пятая в большой палате, где лежали больные мужчины, топкой была в палате, что бы открыть трубу, нужно подняться по лесенке метра два. Нужно положить дрова в печь и на растопку сухие лучины, поджечь лучины и готово. Как просто!

Но с пятой печкой было не просто. Всё сделав, как положено, подождла лучины. Они весело загорели, и только я закрыла дверцу, огонь потух. Я снова подождла, лучина горит, но стоило мне закрыть дверцу, снова погас огонёк и так 6 раз. Больные мужчины, что это могли видеть, смеялись, говорили гадости. Я чуть не плакала, но затопить не могла. За печкой на койке лежал ходячий больной. Спросил у мужчин, над чем они смеются, поднялся и подошел ко мне. Увидев в чём дело, сказал:

- Сейчас затопим. Только закрой трубу.

Больные засмеялись, а я растерялась, не знала, что мне делать. Тогда он сам залез на стремянку, закрыл трубу, спустился, поджёл лучину, подождал когда она хорошо загорела, не спеша снова поднялся на стремянку и открыл на половину вьюшки трубу. Дрова загорелись. Мужчина спустился и выговорил, смотря на смеющихся мужчин:

- Эх вы! Подняли на смех, нет что бы, помочь девушке!

Сразу все притихли, а он объяснил мне, что у этой печки большая тяга и поэтому гас огонь. Я была ему очень благодарна, его звали Александр Павлович Иссурый. И в третий раз я вспомнила пословицу – «Мир не без добрых людей».

Человеческая душа простая, человек привыкает как к хорошему, так и к плохому, к лёгкой жизни и к трудной. Когда я пришла устраиваться на работу в больницу, мне предложили работать санитаркой, или уборщицей. Я сказала:

- Пойду в уборщицы. Я боюсь покойников.

И что же получилось? Пришла в первое утро на работу, ко мне подошла дежурная медсестра и попросила помочь санитарке вынести до завтрака умершего ночью мужчину. Отказаться я не могла, я наблюдала, как она в морге аккуратно сложила руки и закрыла покрывалом. Я спросила эту пожилую женщину:

- Вы не боитесь? Ответ последовал грустно и серьёзно:

- А что бояться мертвого, нужно бояться живых.

Я долго думала над её ответом, и поняла только тогда, когда мужчины стали смеяться надо мной, что я не могу затопить печь.

Через семь месяцев работы уборщицей, мне предложили работать кастеляншей, а ещё через месяц кладовщиком–завхозом по совместительству (завхоза призвали в армию). Больше года я работала за троих, да ещё вечерами ходила вместе со всеми на разгрузку барж, или лопатить хлеб (зерно) в складах. Это продолжалось больше года. Вот тогда я узнала насколько люди, особенно сильный пол, жестоки. За военные годы пришлось перенести всего и «лиха до сыта» и горького до слёз».

В 1944 году в марте я уволилась с работы с целью переехать из Парабели в Бакчар ближе к родным, чтобы было с кем поговорить, излить все страдания глубины своей души. Но снова не получилось того, что я так желала.

Я после получения расчета заболела. Высокая температура и мне пришлось пролежать неделю, а за это время солнце пригрело, и зимние дороги прикрылись. Когда я окрепла, Тоня (моя хозяйка) посоветовала устроиться на работу в Госпароходство, вернее в затон. Она в то время уже не стирала, а работала в затоне. Там паёк был: хлеба рабочим 700 грамм, детям – 600 грамм. Выдавали продукты: крупу, масло, рыбу, иногда мясо. По сравнению с другими организациями это просто роскошно. Таня сказала:

- Года 2-3 поработаешь на берегу, потом можно перейти в плавсостав.

Если бы сразу можно было устроиться на пароход, я бы и думать не стала, а так я решила подумать, посмотреть, что делают в затоне женщины. Шла война, мужчины были на войне. Так как я несколько дней думала, и всё не могла решить. Тоня решила мне помочь. Она специально не взяла обед и попросила меня принести его ей к 12 часам. Отказаться я не могла. Что же я увидела, когда подошла к караванке (избушке, где обедали рабочие). Женщины возили брёвна на себе, по 4-ре женщины на сани. Пар

пять женщин на берегу пилили чурочку. Дежурный вахтёр ударил по сошнику у столба и все, бросив работать, устремились в караванку перекусить и отдохнуть. Я стояла на берегу и Таня меня сразу увидела. Присели мы с ней на лесину, и она начала обедать, и рассказывать о работе. Не успела Тоня пообедать, как из дежурной части караванки вышел мужчина, и сразу направился к нам. Поздоровался с нами и обратился ко мне с такими словами:

- Вы всё ещё перебираете грязное бельё и носите горшки?

Я посмотрела на него внимательно и узнала, он лежал в больнице в ноябре 1943 года. Его привезли в 11 часов вечера 7-го ноября, и сразу на операционный стол. Так как операционной санитарки не было на работе, а я жила на территории больницы, меня вызвали поработать на операцию, что делали и ранее.

В то время нас учили на сестёр, поэтому я могла прислуживать при операциях, то есть заменять санитарку. Мужчина этот был не кто иной, как Василий Андреевич Андреев. У него было ранение в правое бедро осколками разорвавшегося снаряда. Сразу не обнаружили два осколка, и они постепенно передвигались и в ночь с 7-го на 8-е ноября достигли мочевого пузыря, вызывая нестерпимую боль. После операции Василий Андреевич лежал в больнице около месяца. Он был очень капризным больным, и мне часто приходилось выслушивать его неудовольствие, когда приходилось пересчитывать бельё. Однажды в ночное дежурство я шла по коридору, услышала голоса больных и упоминание моего имени. Остановившись напротив двери, я услышала спор Василия Андреевича и другого больного. Оказалась, они оба были равнодушны ко мне. Я улыбнулась подумав:

– «Глупые, никому из вас не удастся завлечь меня. Но время и жизнь сделали своё. Голодная жизнь подтолкнула, меня на работу в затоне. При разговоре с В.А. Андреевым выяснилось, что у него нет матроса, он работал шкипером на барже и при распределении сказал, что матросом у него будет работать жена. Начальство согласилось, принять его жену без отработки, двухлетней отработки на берегу.

Он сказал:

- Может устроить меня матросом. Но оформлять будет как жену.

По своей глупости я ответила:

- Хоть горшком назови, только в печь не ставь.

Он выполнил обещание, устроил меня на работу. Проработав первый день, я получила на два дня паёк. Это неоценимое богатство! Две булки хлеба, рыбу, крупу, масло, сахар. При виде всего этого я с трудом сдержала слёзы и пошла домой. А в выходной день пришёл Василий Андреевич Андреев и

предложил руку и сердце (как говорят). Сохранить жизнь свою и дочери, от голодной смерти или стать женой нелюбимого человека ???

Не согласиться стать его женой – надо увольняться с работы и продолжать голодную жизнь. Верх взяла жизнь, а не голодная смерть. Я решила соединить свою жизнь с Андреевым Василием Андреевичем . Прожили мы с Васей 7 лет. Всякое было. И плохое и хорошее. Но за эти 7 лет я оценила его. Он был хорошим любящим отцом наших детей, хорошим хозяином. Всегда мог заработать на прожиточный минимум. Он всегда находил работу. С того дня как я дала согласие стать его женой мы с дочуркой не ложились голодными спать, у нас всегда хлеба было достаточно и продуктов тоже. К моей дочери он относился с отцовским вниманием, так же как к своим детям. Семья росла. У нас на свет божий появилось 2 сына Борис и Николай и две дочери Вера и Рая. Верочка ушла из жизни малюткой, ей было всего 5 месяцев. Но Вася очень тяжело перенёс её смерть. А Рая родилась после его смерти. Вася скончался 1-го сентября 1951 года, Рая родилась 5 ноября 1951 года. Я осталась одна растить четверых детей, в районном селе Курагино Красноярского края Курганского района.

Одинокая жизнь женщины не очень привлекательна. Четверых детей поднять на ноги, то есть вырастить, дать путёвку в жизнь. Хочется сказать, я счастлива, мне многое удалось добиться. Как было трудно жить после отечественной войны. Но я могу гордиться своими детьми, они выросли трудолюбивыми и не пошли по скользкой дорожке. Честно трудятся и добиваются своей цели в жизни.

Фая уже на пенсии, проработала много лет учителем.

Борис окончил сельскохозяйственный институт, факультет электрификации сельского хозяйства, при окончании остался работать в институте.

Коля окончил училище, получил специальность слесаря. Последняя работа на электро-комплексе в городе Минусинске (Красноярского края). Заболел в 2005 году, ушёл из жизни 2006 г.

Рая окончила Новосибирский университет. Работает, хотя уже на пенсии (2007г.). Дети выросли, я состарилась мне 90 лет. У меня много времени на воспоминания. Я до настоящего времени живу не пенсионной жизнью. Я много читаю, меня радует природа. Я могу часами любоваться красивым видом из окон и с балкона, закатом солнца...

Я счастлива в преклонном возрасте. Жизнь прожита не бесцельно

Дети относятся очень внимательно. Я ни в чём не нуждаюсь, желаю всем пожилым иметь такую жизнь в старости.

Спасибо милые дети, за Всё!

Вы все на заслуженном отдыхе, живите по средствам, не завидуйте тем, кто живёт богато.

И Вам будет жить легко, весело и счастливо.

Писать заканчиваю.

9 июня 2008 года

(подпись Андреева)

Жизнь «кулака» Шмакова Анисима Иудовича и его семьи

(вторая тетрадь: продолжение воспоминаний)

В 1920 году Шмаков перевёз из Шалоболоино с купленной усадьбы Амбар, поставил пятистенный домик. Комната 21 кв. м. Кухня 20 кв. м. Пустил Мельничку на один подстав.

Переехать Шмаков ещё не успел как на с. Шалоболоино надвинулся Колчак¹, бушующий и свирепствующий. Днём в с. Шалоболоино было замучено 12 человек, которых водили по селу босыми, полураздетыми с дощечками на груди и спине, где было написано «Красные антихристы», «Смерть смутьянам» и т.п.

Шмаков напугавшись, забрал свою семью и ночью уехал на мельницу. Думая спастись. Ехали глухой тёмной ночью. Катя сидела на первой подводе держала в руках свою маленькую Олю, завернутую в одеяло. Катя от страха плакала и не заметила, как из одеяла выкатилась дитё. Она спохватилась, когда подъезжали к усадьбе, и громко взревела, сообщая о потере девочки. Но девочка в это время спокойно спала на руках тётки, которая ехала на второй подводе и увидела, как что-то упало с воза первой подводы, остановила лошадь, слезла с воза и увидела, что лежит возле дороги её племянница Оля. Она взяла её и решила не сообщать, но, когда раздался душераздирающий крик матери потерявшей дитя малое, тётка поспешила обрадовать мать. И так без особых приключений Шмаковы въехали в свою усадьбу и поселились там, на долгие годы.

От Колчака же Шмакову А.И. спрятаться не удалось. Получив инвалидность Шмаков жил тихо, не отдавая предпочтения ни красным, ни белым. Сродный брат Шмакова Сонин Иван Сергеевич был революционером, а к 20-му году был коммунистом, ему грозила смерть, и он ночью пришел к Анисиму Иудовичу попросил спрятать несколько человек красных, в том числе и его Сонины.

Долго не думая Шмаков спрятал 12 человек на чердаке дома, а Сонины увёл в мельницу, которая ещё не работала. Не прошло и суток как колчаковцы приехали к Шмакову, по донесению, что Шмаков скрывает красных.

Допросив, и не добившись где красные, они поставили Анисима и Катю к

стенке, навели оружие и стали спрашивать ничего не знавших перепуганных детей. Не добившись ничего, оставив охрану, колчаковцы уехали. Трое суток просидели на чердаке голодные люди, а Сонин забравшись в водяное колесо, через которое была пущена вода, сидел трое суток мокрый, голодный, стуча от холода зубами. Через трое суток Колчак отступил или удрал от Щетинкина.

Семья Шмаковых в составе Отца Иуды Степановича, сыновей: Анисима, Трофима и Демьяна; невесток: Екатерины, Устины; дочери Фетиньи и 5-ти внуков остались жить спокойно, наживая хозяйство. В 25-м году поставили большую Мельницу, Подсев (выработка крупчатки), крупорушку и зажили без нужды.

В 26 году братья разделились, отделив Трофима.

В 27-м году Иуда Степанович умер в возрасте 89 лет.

В 1928 году Шмакова Демьяна Иудовича призвали в ряды Красной Армии.

На Мельнице остался один Анисим Иудович со своей семьёй, состоящей к тому времени из 8 детей. Старшая дочь – 9-я была выдана замуж за Макарова Александра Филипповича в деревню Курганчики. Мирно и спокойно была сыграна свадьба. Зять пришёлся по душе Анисиму Иудовичу. Всего детей у Шмаковых было 16-ть, в живых осталось 8-мь, остальные умерли маленькими.

***

Демьян Иудович, служивший в Красной Армии встретился с хорошими товарищами, узнал от них о цели Советской Власти, о будущем советского народа, понял, что собственность – стремление к наживе не в интересах советского государства. Твёрдо решил Дёмчик (как его звали в семье) стать полезным членом строительства новой жизни.

По окончании срока службы в рядах Красной Армии он остался сверхсрочно. Через газету отказался от пая на Мельницу.

Выучился на радиста, и только в 1933 году вернулся на родину. Но о нём ещё много будет сказано в общих воспоминаниях.

***

Жизнь Шмаковых до раздела протекала спокойно, весело, дружно. Вечерами в летнее время после ужина выходили всей семьёй на улицу сумерничать. Иногда старшие решали свои дела, подводили итоги, что сделано, что нужно сделать. Во главе семьи был Шмаков Анисим Иудович. Но чаще всего, выйдя посумерничать, начинали петь песни. Хорошо получалось, и всем хотелось участвовать в семейном хоре.

Даже малыши бросали играть, бегать, садились со взрослыми и подпевали.

Демьян Иудович хорошо играл на гитаре, а взрослые дети Анисима все играли на балалайках. В воскресенье приходила из села Шалоболдино молодежь, девушки, ребята и Демьян играя на гитаре, часто доводил девушек до слёз. Но как только замечал слёзы – бросал играть, предлагал танцы, катание на лодке, или поход в пещеру. Пещера была видна от дома Шмаковых на горе, где были россыпи щебня. В отвесной скале было углубление, внутри расширенное и вокруг стен вытесанные лавочки из этой же скалы. Пещера была небольшая 8-9 квадратных метров, но вид из неё прекрасен - Енисей во все красе, приток Енисея Туба с идущими потоками, восемь населённых пунктов, а леса, поля, разве всего можно описать!

Зимние вечера в семье проходили так же весело. Только начинал замерзать ледок, а Иуда Степанович, а потом и Анисим Иудович начинал готовить санки, жерди, козлыны². И как только лёд начинает держать человека, Иуда Степанович вмораживает кол посередине реки. Лёд окреп, на кол надевает колесо, привязывают длинную жердь одним концом к колесу, а к другому прикрепляются специальные санки (большие детские и меньше больших с отводами). Одновременно ставят козлы высотой около 3-х метров, делают двусторонний настил – обыкновенная катушка.

При открытии всего этого Иуда Степанович просит сначала его покатать на круговой катушке. Все малыши с удовольствием его катают пока он не свалиться на лёд. После этого катушка остаётся на всю зиму за детьми. Взрослые вечерами катались с такой катушки или все не исключая малышей шли на гору с санями или кошевой, и с горы катались прямо на реку метром 300. А один год катались на конской мерзлой коже, пока всю не истёрли до дыр.

Так весело проходило время – вечера в кругу семьи Шмаковых. Днём мужчины находились в Мельнице с раннего утра и до вечера, они трудились не покладая рук. Женщины вели хозяйство по дому, со скотиной. Только уход за Лошадьми выполнялся мужчинами. За коровами, свиньями и птицей, которой было не мало, ухаживали женщины. Семья иногда доходила до 15 человек. Всех нужно накормить, обшить, обстирать, каждую субботу натопить баню. Стирка каждую неделю. Из постельного белья были только наволочки.

2 vk.com/stroyka_vk Козлы (козлыны) - строительные подмости, в простонародье имеют названия как «строительные козлы».

Простыней, пододеяльников и знать не знали. Штор или хотя бы занавесок на окна и в помине не было. На кровати спали Анисим с Катей, Трофим с Устиньей. А Иуда Степанович спал зиму и лето на печи, остальные члены семье на полу – все подряд на потнике, в головах подушка, а одевались, кто шубой, кто дохой, тулупом. Кто чем. Так и жили, поживали Шмаковы, об образовании детей Анисим Иудович не беспокоился, как многие того времени.

Оставшись один, Анисим Иудович почувствовал свободу – хозяина. На Мельнице дежурил старший сын Трофим. В праздничные дни или воскресенья мельница останавливалась, и Анисим с Катей ехали в гости или принимали гостей.

К 30-м годам семья Шмаковых состояла из 10 человек: самих двое, 5 дочерей и 3 сына. В 30-м году стали свататься за старшую дочь Катю. Катя ни за кого идти не хотела, а когда приехали Ковалевские, Катя с радостью пожелала выйти за любимого Витю Ковалевского. Но вот тут то и явилось препятствие. Ковалевский Виктор Константинович из семьи середняка. Имея 4 класса образования, понимая интересы народа, он при организации ВЛКСМ сразу вступил в комсомол и начал повышать свой культурный уровень – поехал учиться на счётного работника. С Катей Шмаковой дочерью Анисима Иудовича познакомился на вечерке, и они полюбили друг друга. Вернувшись с курсов, встретился с Катей, и они договорились пожениться и вместе поехать на место его назначения в Хакасию.

Сватов Ковалевские послали к Шмаковым. Шмаковы приняли сватов как положено. Анисим Иудович позвал дочь:

- Катя Ковалевский Виктор просит твоей руки. Что ты скажешь?

Вспыхнув Катя потупилась, но твердо ответила:

- Я согласна

- Дорогие сватушки я не пойду против желания дочери. Пусть венчаются и живут с богом.

- Но Витя Ковалевский комсомолец ему нельзя венчаться. Не положено.

- Без венца не отдам!

И сваты уехали ни с чем.

Двенадцать раз приезжали Ковалевские сватать, но Анисим Иудович был непоколебим. Он верил, «без бога не до порога, без венца – не семья». И хотел, что бы его вере, его желанию подчинялись все. Прошла неделя после двенадцатого приезда Ковалевских сватать Катю. За это время Катя пролила реку слёз. В субботу вечером подошла к папеньке и со слезами на глазах сказала:

- Папа, я люблю Витю!

- Ну и люби на здоровье, а без венца не отдам.

- А если я отравлюсь? Спросила Катя.

- Но и травись. Легче похоронить, чем без венца отдать.

Залилась Катя горячими слезами и убежала на улицу. Екатерина Яковлевна встревожилась не на шутку. Проверила у Кати под подушкой и обнаружила сулему в пакете. С причитаниями и просьбой кинулась к мужу:

- Сима, что ты делаешь, сгубишь дочь! Не перечь им, отдай. Пусть живут по-новому без венца! Глаза Анисима налились кровью, руки затряслись, но голос твёрдый непоколебимый:

- Замолчать! Не перечить мне! Я сказал, лучше похороню!... И, недоговорив до конца, ушёл в Мельницу и вернулся глубокой ночью.

Утром в воскресенье вся семья встала, встала и Катя. Убираясь по дому Катя пела тихонечко песенки, а когда она вышла из дома Анисим Иудович сказал жене:

- Милая дочь Катенька, вчера плакала, люблю, отравлюсь, а сегодня забыла все печали.

Мать ничего не ответила, чувствуя щемящую боль в сердце, предчувствуя чего-то, но не знала чего. Обедали у Шмаковых в 12 часов. Пообедали, и как обычно старшие-взрослые дети Анисима попросились в деревню на вечеринку (взрослых было трое): Катя, Троша и Мария. На просьбу детей Анисим Иудович весело сказал:

- Разве я когда вам запрещал? Идите!

С песнями Катя одела лучшее платье, что у неё было. Проходя мимо лежащего на кровати отца, остановилась и попросила:

- Благословите папа.

- С богом доченька.

Дети ушли. Младшие разбежались кто куда. Родители, отдыхая, тихонько беседовали. После короткого молчания Анисим Иудович снова, как и утром похвалил дочь:

- Хорошая у нас Катенька, даже на вечеринку идя, попросила отцова благословения.

Екатерина Яковлевна только глубоко вздохнула в ответ мужу и надолго они замолчали, заснули наверно спокойным, отдыхающим, воскресным сном.

***

От мельницы до села Шалоболдино три километра. Молодым здоровым дойти до села одно удовольствие. Дорога идёт полями, расстилающимися цветущим ковром по правую сторону дороги. Поля тянутся до горизонта. По левую сторону кустарник, Черёмуха, Тальник, Смородина. Воздух чистый насыщенный кислородом и ароматом цветов. Дойдя до села, наша троица разошлась в разные стороны. Маруся зашла к подруге Лизе Куликовой, Троша к Мельниковым, Катя к Колмаковым.

Вечером в сельском клубе к Троше подошёл Виктор Ковалевский и пригласил к себе. С Виктором была Катя. Пришли к Ковалевским, а там, на столах закуска, водка, и в горнице, где накрытые столы, родня Виктора Ковалевских. Вечер прошёл весело. Трошу приглашали ночевать, но он отказался, пошёл домой, как всегда ходил. Он очень любил ночные прогулки, любил дышать свежим ночным воздухом. Подошёл к дому, сел на крылечко, посидел с пол часика и только тогда постучал в дверь. Дверь открыла Екатерина Яковлевна. Увидев сына выпившим удивилась:

- Где это ты выпил!?

- Сестричку пропил. С этими словами он разделся и лёг спать.

Родители не придали этим словам должного внимания и спокойно проспали до утра.

***

Утро в понедельник на Мельнице началось как обычно – чуть свет. Анисим Иудович поднялся, умылся, перекрестившись, сел за стол, где самовар пускал парок, а Екатерина Яковлевна разливала чай. После чаепития занялись кто чем. Анисим Иудович пошел пускать мельницу, Троша в конюшню – задать корма лошадям, Мама у печи. Нужно испечь хлебы, сготовить обед и завтрак. Вошло солнце. Младшие девочки Оля и Дуся погнались пасти гусят.

Гоша и Яша выбежали с весёлым криком играть на улицу. Вдруг смех и крики детей оборвались, Мать выглянула в Окно, встревожась резкому обрыву детской радости. На крыльце стояли мальчики с широко раскрытыми глазёнками и ртами, смотрели на подходившую к крыльцу Машеньку и горько плачущую. Мать, выбежав навстречу ревущей дочери, схватила её в свои теплые ласковые объятия, прижала к груди, не спрашивая, что случилось, предчувствуя неладное. И только после долгого молчания чуть слышно вымолвила:

- Где Катя?

Вновь зарыдала громче прежнего Маруся, выдавив из себя:

- Убежала замуж за Витю.

Опустились ручонки у Екатерины Яковлевны. Послала она Трошу за Отцом, а сама села на лавку против печи и тихо беззвучно заплакала, слёзы лились по щекам. Дети смотрели и тоже плакали. Анисим Иудович выслушал сообщение молча, посуровели его глаза, вздрогнули мускулы щек, но не сказал он не единого слова, ушёл на Мельницу.

***

Длинной, тяжелой показалась неделя Екатерины Яковлевне, не видела она свою дочь Катеньку, что её ожидает впереди, заговорить с мужем не решалась.

А он упорно молчал, стараясь не замечать тяжелого раздумья жены.

Воскресенье настало как всегда праздничное, тихое, чересчур тихое в большой семье Шмакова. Все чего-то ждали. В одиннадцать часов дети увидели приближающуюся подводку, в тарантасе сидели двое. И как только дети узнали приехавших с криком весёлых возгласов «Катя приехала!» побежали в дом.

Когда зашли молодожены в квартиру, Анисим Иудович сидел на кровати. Опустясь на колени, наклонясь до полу, Катя и Витя стали просить прощение за позор нанесённый отцу уходом дочери, не послушанием.

- Не будет вам моего прощения! Твёрдо сказал отец.

Витя сразу поднялся, а Катя со слезами, соя на коленях просила:

- Папа прости! Ты же благословил меня, когда я пошла, а теперь прости.

Как ветром подбросило Анисима от этих слов. Он встал и молча ушёл из дома. Дети пали на колени перед матерью, и она сразу простила их и благословила.

Дети погостили часа три, попили чаю и уехали. И только после их отъезда пришел в дом жестокий отец, уверовавший «Я породил, я и накажу!». Несколько раз ещё приезжали Катя с Витей к родителям, их принимали, отец не уходил из дому. Каждый приезд Катя падала на колени перед отцом, просила прощения, но так и не простил отец свою милую дочь. Так и осталась непоколебимым любящее сердце отца.

Вскоре Катя с Витей уехали в Хакасию и мирно зажили, изредка присылая письмецо родителям.

***

Шушь река небольшая. Летом можно на перекатах перейти, не замочив ноги выше колен.

Зато весной понимается вода на два метра, заливают все низкие берега, луга. В это время на Мельнице глаз нужен и разум, чтобы спасти платину.

Сливной мост заранее отдалбливают, ставя запасные доски. Но, несмотря на эти подготовки, редкую весну не промывало плотину и не сносило сливной мост. При каждой подвижке льда, если это случалось не ночью, вся семья Шмакова выходила к плотине и следила за ходом льда. Лёд ломало, льдины наплывали, друг на друга, ставали на ребро, красиво блестя на солнце, в то же время, двигаясь к плотине, ударяя об неё или о столбы моста.

В это время мужчины вынимали ставень за ставнем, но не торопясь, если открыть все ставни и пустить пруд сразу, лёд натворит столько бед, что и за год не исправишь, а спущенная вода затопит всё ниже плотины. Когда льдина ударяла о мост или плотину, не повреждая, Шмаковы радостно кричали «Что не по силёнке пришлось?!».

Но часто случалось так, что вся семья замирала и с биением сердца ждала сильного удара, и удар становился раковым. Не выдерживала плотина натиска льда, её смывало быстрое течение, и всё глубже и глубже становилась промоина, а лёд этого и ждал, устремляясь в промоину, расширяя её.

Глядя на всё это с глубоким молчанием, взрослые понимали – ущерб хозяйству нанесён не малый. Мельница, самое малое, 2 месяца будет бездействовать.

Так случилось и в 1930 году. Для того чтобы восстановить плотину Шмакову пришлось не один раз побывать в сельском совете, просить разрешения вспахать выпасное поле для пластов и нарубить чащи³.

Получив разрешение вся семья, кто мог, выходили на заготовку чащи. Пригласив дядю Васю Киреева с лошастью, да на своей подводе Троша с дядей Васей возили чащу потом камень. Перед днём запруды пахали пласты. Но когда наступал день перехвата воды, Шмаков приглашал людей из четырёх близь лежащих деревень. Люди ехали, всем нужна была мельница, съезжались до сорока подвод, до 60-70 человек-мужчин. Дело спорилось, к вечеру, а иногда и к обеду плотина восстанавливалась. А спустя 3-4 дня вода накапливалась, и Мельница начинала молоть. А Шмаков постепенно рассчитывался с теми, кто

---

³ Небольшую мукомольную мельницу три-четыре человека нередко ставили за один сезон. Запруды делали простейшими подручными средствами всей деревней. Вспахивали участок целины, а из дерна выкладывали плотину. Пласт был плотный, как ремень, тянулся, не разрываясь, на несколько сажен. Укладывали его ровно, прочно. Для крепления применяли жерди, колья, связки из хвороста. Начав дружную работу с раннего утра, к вечеру реку останавливали. Благодарность за такую великую услугу полагалась только в виде обильного угощения, которое мельник выставлял крестьянам.

трудился. Не мог Шмаков обходиться без людей, а люди без Мельницы. Что и связывало народ со Шмаковым, а он полностью был зависим от людей поддерживающих его в трудную пору восстановления Мельницы.

В 1930 году снова лёд нанёс большой ущерб, и Шмаков кое–как смог рассчитаться к новому году со всеми, кто работал. 14 января 1931 года утром приехали 5 человек с членами сельского совета и сделали опись всего хозяйства.

- За что? Удивился Анисим Иудович.

Так случилось и в 1930 году. Для того чтобы восстановить плотину Шмакову пришлось не один раз побывать в сельском совете, просить разрешения вспахать выпасное поле для пластов и нарубить чащи.

- Налог уплачен, гарнцы⁴ сданы полностью. Уезжайте!

Поехал узнавать. Оказалось что он должен 300 рублей дополнительного налога. Анисим Иудович не знал об этом налоге. Денег дома не было, пришлось занять – съездил в деревню Ильинку и у Черных Максима занял 300 рублей⁵. Поехал в сельский совет рассчитался, а утром снова приехали с описью.

- За что?!

- Чтобы не растратил хозяйства, то, что попало под опись, должен держать не имеешь право продавать.

Под опись попало: Мельница, легковая лошадь по кличке Белка и её два сына: Вака 2-х лет Битюк и Гнетко полугодовалый; корова, телочка, три свиньи 4 гусыни и гусак, 89 кур; 2 отреза по 4 метра шерстяной материи купленной Марусе на платье.

***

---

⁴ **Гарнцевый сбор** (в УССР — **мерчук**) — отчисление в пользу владельца мельницы определенной части сданного зерна в качестве платы за перемол. Позднее (после 1930 года) — плата за помол и переработку в крупу зерна, за обдир риса, взимаемая в натуральной форме всеми государственными, кооперативными и колхозными мельницами и крупорушками.

В период военного коммунизма уплата зерном за помол была установлена правительством, при чем весь гарнцевый сбор должен был сдаваться мельницами органам Наркомпрода. В 1928 году СНК СССР вновь узаконил натуральную оплату помола для всех без исключения мельниц (постановления от 25 сентября и 2 октября). Владельцы и арендаторы мельниц были обязаны весь поступающий к ним гарнцевый сбор сдавать по конвенционным ценам определенным государственным и кооперативным органам. Размеры взимания гарнцевого сбора были установлены от 5 до 10 % (2—4 фунта за перемол 1 пуда зерна). При ежегодном перемоле крестьянами около 25 млн.т. своего зерна гарнцевый сбор давал 2—2,5 млн.т. Поступление гарнцевого сбора имело большое значение для пополнения плановых хлебных ресурсов. Часть гарнцевого сбора выделялось для снабжения деревенской бедноты (Материал из Википедии).

⁵ Для справки: Покупная способность денег: 1927г. Мясо (кг) - 42 к, рыба (кг) - 28 к, творог (кг) - 30 к (www.russian-money.ru)

Под раскулачивание Шмакова подводили два раза, но народ отстаивал его, мотивируя тем, что семья красноармейца, и сам Анисим Иудович инвалид. Инвалидность получил, живя в мельниках. Но когда Демьян отказался от пая, а Шмаков не вступил в коммуну, когда ему предложили, Шмакова подвели под твёрдое задание. И хотя он рассчитался после того как его описали, поставили охранять сельчанина.

На следующее утро, т.е. 16 января 1931 года снова приехали из сельского совета и предложили складываться, собираться в дорогу. А когда стали собираться члены комиссии говорили:

- Это ложи! Это откладывай.

Из белья разрешили взять то, что было в полуноске, а что поновее всё оставили, т.е. не разрешили брать.

Сам хозяин Анисим Иудович напился до опьянения. Спал. К вечеру погрузили на одну подводу все, что разрешено было взять. Посадили детей: Дусю, Лиду, Гошу, Яшу, Лиду. Маруся сбежала. Анисима Иудовича положили в сани, села Екатерина Яковлевна, Троша взял вожжи, и под охранной сопровождающих, поехали в село Шалоболдино в сельсовет.

***

Рано утром 1931 года 16 января начали свозить в сельский клуб кулаков, раскулаченных и назначенных на ссылку⁶. Из сельсовета Шмаковых направили в клуб, где к тому времени было много свезено из Детловой, Курганчиков, Шалоболдино и ещё из многих деревень, семей предназначенных на ссылку. Женщины плакали, мужчины ходили хмурые, а дети играли. Дети Шмаковых тоже беззаботно влились в игры, радуясь большому количеству детей.

Старшая дочь Шмаковых Матрёна услышала о выселки родителей приехала попрощаться. Из вещей, что разрешили взять с собой мать, решила отдать дочери: стиральную доску и полупуховую подушку. Доехала Мотя за родителями позади конвоя до села. Когда родителей отправили в клуб, подводу дочери завели в ограду сельсовета и обыскали, найдя старенькую доску, изогнули и бросили на кучу мусора. Подушку разорвали наволочку, перо и пух вытрясли на мусор. Продержали Мотю до позднего вечера в сельсовете и только тогда отпустили домой.

---

⁶ **ШМАКОВ Анисим Иудович** - Род. в 1883. Проживал на территории Шалоболдинского сельсовета Курагинского р-на. Раскулачен, лишен избирательных прав в 1928, выслан в 1931 в Томскую обл. с семьей: жена Екатерина Яковлевна 1885 г. р., дети Мария 1916 г. р., Ольга 1920 г. р., Евдокия 1922 г. р., Егор 1924 г. р., Яков 1926 г. р.

Со слезами, не повидав больше родителей, Матрёна Анисимовна уехала в Курганчики, радуясь, что ей отдали коня и её отпустили к детям и мужу.

***

Ночь! Темная зимняя холодная ночь! На небе звёзды и месяц. Два часа ночи, дети спят кто, где прикорнулся одетые. Дети кулака Шмакова одеты кто во что. Так как в семье Шмакова не заведено шить пальто детям до 15-16 лет. Дети ходили в обносках старших. Из всех детей только на Оле и Дусе были пальтишки, более подходящие, т.к. они благодаря сестричке Марусе ходили в этом учебном году в школу.

А случилось это так. Пред началом учебного года Маруся пришла из села и без колебаний сказала:

- Папа тебя зовут в сельсовет.

- Зачем это?

- Насчёт девочек.

- Каких?

- Оли и Дуси.

- А что?

- Учить их нужно, а то штраф будут наложен по 100 рублей за девочку.

Задумался Анисим Иудович. Подумал немного, жаль стало 200 рублей отдавать зазря.

Попросил Марусю сходить в деревню и записать девочек в школу.

По этому случаю сшили девочкам пальтишки из «Чертовой кожи⁷».

В то время когда дети безмятежно спали, раздалась команда:

- Запрягать лошадей!

Лошади были быстро запряжены, дети и узлы сложены на сани. Обоз в 100 подвод тронулся из ограды сельского клуба под конвоем верховых милиционеров. Никто не провожал отъезжающих неизвестно куда и насколько людей, названных кулаками. На второй день пути обоз подошел к маленькой тогда станции Абакан. Семьи, лошадей и сани погрузили в телячьи вагоны. Холодные. В каждом таком вагоне было не менее 50 человек. Посреди вагона стояла железная печь, но топлива не было. Мужчин из вагонов не выпускали. Дети выходили на остановках,

---

⁷ **Чёртова кожа.** Очень прочная блестящая ткань, обычно чёрного или белого цвета. В начале прошлого века молескин прочно ассоциировался с людьми необычных профессий. Из этой черной, плотной и блестящей ткани шили комбинезоны авиаторов и водителей, и мечтой каждого мальчишки-сорванца были брюки из молескиновой «чертовой кожи», порвать которую было практически невозможно. В буквальном переводе с английского – а именно в этой стране начали производить сверхпрочную натуральную ткань – ее название звучит как «кротовая шкурка». В России, однако, она получила неофициальное ироническое название «чертовой кожи» – за черный цвет, блестящую поверхность и необыкновенную плотность.

собирали щепочки, уголь, тем и отапливались. Спать приходилось по очереди, так как всем враз лечь было негде.

Сделали первый проезд от села Шалоболоино до Большой Инеи, разместив людей на ночлег, охрана подняла актив деревни и расставила по всем выездам из деревни, что бы никто ни убежал.

На первом ночлеге нарочный из сельсовета села Шалоболоино разыскал Шмакова Анисима Иудовича и передал от сельской власти следующее:

- Шмаков напиши заявление в Коммуну и тебя сейчас же вернут назад. Будешь работать на своей мельнице как член Коммуны.

Недолго думая Шмаков ответил:

- **Нет!** «Ешь меня собака, да неведомая!»⁸. Если я буду работать на своей мельнице, а её весной промоет, как это бывает часто, мне припишут вредительство и осудят. Пусть будет то, что всем. И отошел от нарочного, а тот вышел из избы сел в седло, и уехал в Шалоболоино. На второй день пути обоз подошел к маленькой тогда станции Абакан. Семьи, лошадей и сани погрузили в телячьи вагоны. Холодные. В каждом таком вагоне было не менее 50 человек. Посреди вагона стояла железная печь, но топлива не было. Мужчин из вагонов не выпускали. Дети выходили на остановках, собирали щепочки, уголь, тем и отапливались. Спать приходилось по очереди, так как всем враз лечь было негде.

.....

От станции Абакан до пересылочного пункта г. Томска ехали суток 8, в дороги попростыли, многие заболели. В Томске из вагонов переместили в казармы, но тоже чуть свободнее, чем в вагонах. Хорошо то, что на нарах и под нарами можно было всем враз после отбоя лечь.

На второй день по прибытию в г. Томск, где формировался обоз для дальнейшего следования, Шмакова назначили старшим обоза в 300 подвод. Комендант запретил давать лошадям овёс:

- Кто даст овса лошади, будет наказан – ночь в холодной, днем чистить туалеты. Приказ ясен?

- Так точно гражданин комендант.

Но в первую же ночь кто-то из обоза Шмакова пожалел коня и насыпал овса. Кони были у многих свои, овес взят из дома – это разрешалось. Вот и пожалели свою собственность, чо ещё была.

Коменданту **Ева(о?)ровичу** стало известно, что приказ не выполняется. Крут был Еварович по характеру, да и служба того требовала – никого не щадил. В 8 часов утра вызвал он к себе Шмакова и сразу закричал:

- В холодную захотелось!? Посажу суток на десять!

Струхнул Шмаков, но не растерялся, сделав озабоченное лицо тихо сказал:

- Вы меня посадите, а у меня такая красивая жена... как же я после чистки туалетов к ней приду – от меня же вонять будет...

Комендант опешил от такого ответа, но через минуту засмеялся:

- Слышите товарищи (в кабинете ещё находились 3 начальника) Этот культия заявляет, что у него красивая жена! Не верю!

- Вот тебе Бог! Перекрестился Шмаков.

- Веди! Рывкнул Еварович.

Шмаков спустился со второго этажа, прошел по коридору до комнаты, где находилась его семья, а сам думал: «То хозяева кричали, нужно было хитрить, теперь начальство. Ох-хо-хо!». С этим вздохом зашел в комнату, присел рядом с женой зашептал... Екатерина Яковлевна округлила свои большие карие глаза, смотрела на мужа молча, потом тихо сказала:

- Как же это, на показ?

Но всю жизнь покорная мужу, она стала переодеваться в лучшее платье, что у неё оказалось с собой. Одеда тёмно-коричневую юбку, облегающую бёдра, белую в полоску кофточку, что ей очень шло к смуглому лицу и тёмным волосам. Волосы сделала пышными с причёской на затылке, платок Екатерина Яковлевна не надела и выглядела молодо. В таком виде и привёл Шмаков свою жену к коменданту Еваровичу – держа её под ручку. Подведя к столу коменданта, грозы всего пересылочного пункта. Повернул кругом жену и с улыбкой сказал:

- Ну что?

Все находившиеся в кабинете засмеялись, в том числе и Еварович. Отсмеявшись, он сказал:

- Ну, культия и действительно жена у тебя хороша! Ради неё помилую, не посажу в холодную. Но если ещё раз замечу овёс у лошадей твоего обоза, чистить тебе уборные не смотря, что ты культия. Иди!

И пара Шмаковых вернулась в комнату к своим притихшим детям не понимающим, куда увёл отец их ласковую тихую мамочку.

***

Ольга Анисимовна. Мои личные воспоминания

День выдался тихий, солнечный. День отъезда обоза из г. Томска по направлению в Нарымский край. Сопровождавших было четыре

человека, врач – старичок и три милиционера, два пожилых строгих, не разрешающих отходить от обоза, ни группироваться. Но за санями идти было ужасно тяжело. Сидели на возах только те, кто не мог идти пешком. У Шмаковых на восемь человек одна подвода и при всём желании не было возможности всем сесть в сани. Сидели только всё время завернутые в перину Гоша семи лет, Яша пяти лет и Лида 3 лет. Остальные шли пешком, иногда присаживаясь на несколько минут отдохнуть. Дорога узкая не наезженная, идти очень трудно. Обоз часто останавливался, по нужде кого-нибудь. Ночевали в деревнях. По 3-4 семьи в доме. Переходы делали от 25 километров до 40 километров. Молодой милиционер часто шел вместе со всеми. И когда день был солнечный, он уводил молодых парней, девушек и подростков далеко вперед обоза. На шестой день пути молодёжь ушла вперед километра на 3-4 и вдруг обоз остановили. Но в этот раз надолго. Что случилось? В середине обоза у молодой женщины начались роды. Мороз под сорок градусов. Мужчины поснимали тулупы и окружили подводу с роженицей, закрывая её от ветра и мороза. Через час родился ребёночек, и обоз двинулся дальше. Ушедшие вперед ждали, ждали обоз и потом пошли дальше. Пришли в деревню Нелюбино (расстояние от Томска – 35 км.), отогрелись и многие пошли встречать своих, кто ехал.

В Нелюбино дневали. Топили бани, мылись. От Нелюбино до Плотниковой 123 километра. День выдался холодный ветреный. Мы с сестричкой Дусей шли впереди обоза. Ушли далеко, Дуся стала жаловаться – замёрзли руки, потом ноги. Мы отстали от впереди идущих, стали поджидать обоз. Дуся идти почти не могла, я её толкала, не давая стоять, она заплакала. Минут через 30-40 показавшимися мне вечностью показался обоз. Я стала махать, папа заметил нас и пошёл вперед обоза к нам. Подойдя взял Дусю на руки, и быстрыми шагами пошёл к деревни, конвоиры кричали, грозили стрелять, но папа шёл и шёл вперед, не оглядываясь. Ко мне подошёл врач спросил что случилось? Я рассказала, что сестрёнка замерзла и не смогла идти, захотела спать. Врач убедил конвой, что Шмаков не убегает, а спасает девочку. Когда поздно вечером обоз пришёл в деревню, оказалось, что старушка лет 70-ти уснула навечно. Ночью хоронили старушку. Дусю папа спас, придя с ней в деревню, он в первой избе с приезда раздел Дусю и вместе с хозяйкой оттёрли её снегом, а потом хозяйка дала Дусе грамм 50 водки и после этого горячего молока. Уложили на печь, укрыли, и она к утру отлежалась.

Десять суток от Томска до Галки (236 км) шёл обоз по морозу и почти по бездорожью. Родился один человек, а схоронили за дорогу четверых.

***

В 12 часов ночи прибыли на место назначения. Ночь была светлая, звёздная, холодная. Барак, где нас должны разместить, стоял без окон и дверей. Мужчины в первую очередь развели костры, благо лес кругом барака стоял плотной зелёной стеной. И даже при свете костров, казался таинственно страшным. Дети от 6 лет до 12 стояли в снегу вокруг костров. Взрослые таскали узлы в барак, занимали нары. Нары в два яруса. У кого не было детей, занимали верхние нары, с малыми детьми нижние по не писаному закону.

Отец занял клетку нар посреди барака внизу против отверстия в потолке. Здесь никто не хотел занимать, сквозило очень. Из барака бегали греться на улицу к кострам.

Но вот все стаскали вещи, распрягли лошадей, все зашли в барак, только не было нашего отца. Стали завешивать окна у кого что нашлось.

Часа через полтора пришел отец, принёс трубы железные и позвал мужчин пойти с ним, принести печи круглые стоячие, трубы, двери. Быстро поставили печи, навесили двери. Печи затопили, но легче не стало. Когда в бараке стало тепло, стены отпотели, с потолка и нар текла вода. Над печами и вокруг была обувь и одежда, повешенная для просушки. В бараке поднимался пар с запахом пота, мочи, так как здесь же сушили не полосканные пелёнки – воды не было. Люди приносили снег, кто, в чём мог и на печах и возле печей таяли. Четыре печи стояли на 336 кв. метрах – 300 семей поместили в бараке со всеми вещами, с малыми детьми и стариками.

Ночь прошла без сна. Женщины кто плакал, а кто сидел в каком-то иступлённом виде, молча с открытыми не мигающими глазами, уставленными в одну точку. Страшно было смотреть на этих женщин. Отец прошел по бараку, подошел к своим нарам, сел возле мамы. Мы тоже сидели, протянув руки к печке – грелись. Спали только Гоша, Яша и Лида закутанные, заложенные подушками не раздеты, не разуты. Отец посидел недолго, может минуту, и тихим голосом сказал, как это бывало дома:

- Давай споём Катя. И не дожидаясь ответа, запел тихо «Заброшен судьбою в чужие края», мама подтянула. И те, которые сидели отрешённо с немигающими глазами, встрепенулись, ожили. Кто заплакал, а кто стал подпевать. Через полчаса в пролете, где помещалась наша семья, стояли взрослые люди, пели, улыбались. Кончалась песня, начинали другую.

Когда вошло солнце все прилегли, и через полчаса в бараке слышалось сопение сонных и мирное храпение. Так прошли первые часы на ссылке людей названных кулаками.

Утром часов в 10-ть пришел старший конвоир и приказал:

- Шмаков бери 200 подвод, для управления подводами 50 мужчин, поедешь обратно в Томск за багажом. Остальных лошадей сдать в местную комендатуру на конюшню. Всем пройти перерегистрацию в комендатуре, получить паёк. Дальше вами будет управлять комендант Малышев.

Отец уехал.

***

Песня, которую пели папа с мамой в первую ночь на ссылке.

Заброшен судьбою

Заброшен судьбою в чужие края,

Лишен драгоценной свободы.

Богатство моё пошло ни во что,

Я сделался нищим бродягой.

Девчонки – красотки сгубили меня.

Во что Вы меня превратили.

...

Стояла толпа любопытных людей

Смотрела с каким-то укором.

Как будто бы я для них был злодей,

Разбойником, плутом и вором.

Друзья мои товарищи не смейтесь надо мной

Бог знает, что с вами случится

Сегодня герой, а завтра с семьёй

Быть может, придётся проститься.

То, что вспомнила мама.